

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

679

РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ПРАВООТНОШЕНИЙ В РАЗВИТОМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Труды по правоведению

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 679 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ПРАВООТНОШЕНИЙ В РАЗВИТОМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Труды по правоведению

ТАРТУ 1984

Redaktsioonikolleegium: P. Kask (esimees), V. Kelder,
A. Kiris, H. Lindmäe, K. Nigola, I. Orgo,
E. Salumaa, A. Uustal.

Vastutav toimetaja: V. Kelder

Редакционная коллегия: П. Каск (председатель),
В. Кельдер, А. Кирис, Х. Линдмяэ, К. Нигола,
И. Орго, Э. Салумаа, А. Уусталь.

Ответственный редактор: В. Кельдер

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 679.
РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РАЗВИТОМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.
Труды по правоведению.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Линдкюли, 18.
Ответственный редактор В. Кельдер.
Корректор Н. Пауска.
Подписано к печати 5.07.1984.
МВ 08554.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 6,23.
Печатных листов 6,5.
Тираж 300.
Заказ № 765.
Цена 95 коп.
Типография ТГУ, ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Пяясона, 14.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ
И ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАЗВИТОМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Х.В. Сепп

В развитом социалистическом обществе социалистическое общенародное право становится все более необходимым и действенным средством осуществления политики КПСС. Доказательством этого является зафиксированное в ст. 9 Конституции СССР дальнейшее укрепление правовой основы государственной и общественной жизни. Достигается это путем дальнейшего совершенствования правового регулирования социалистических общественных отношений. Отсюда актуальность проблем правового регулирования социалистических общественных отношений. Это прежде всего теоретические проблемы. Но, как было отмечено в отчетном докладе ЦК КПСС на XXV съезде КПСС, — "нет ничего более практичного, чем хорошая теория" [8, с. 48]. Без теоретической разработки сущности институтов советского права невозможно правильное их понимание и применение. От этого же в известной мере зависит дальнейшее укрепление законности и правопорядка в нашей стране.

Среди институтов советского гражданского права, сущность которых является дискуссионной до сих пор, одно из первых мест занимает институт права общей собственности. Так как правильное применение составляющих этого института правовых норм затрагивает интересы не только граждан, но и государственных организаций, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций, приобретших и осуществляющих право собственности или право оперативного управления на общую вещь, то наши представления об этом институте настоятельно требуют большего теоретического углубления. Это имеет не только познавательное значение, но и способствует совершенствованию соответствующих правовых норм и практики их применения.

Буржуазная правовая наука, не справившись с проблемой сущности права общей собственности, объявила ее тяжким наследием римского права, способным смутить любой свежий ум [II, с. 3]. Наука советского гражданского права не относит

эту проблему к неразрешимым. При разработке понятийного аппарата теории права общей собственности этой наукой достигнуты некоторые успехи. В подавляющем же большинстве случаев названную проблему исследовали, на наш взгляд, не на уровне общественных отношений, а лишь на уровне правового регулирования этих отношений, т.е. на уровне правоотношений. Но на этом уровне право общей собственности исследуется лишь как субъективное право. В выработанных определениях понятия этого субъективного права оно в большинстве случаев или отождествляется с субъективным правом собственности или рассматривается как подвид этого права [II, с. 23, 24, 56; I6, с. 91; 27, с. 294] или же в них отражается лишь функциональная характеристика права общей собственности [24, с. 380; 26, с. 420; 28, с. 138].

При таком подходе проявляется, на наш взгляд, тенденция анализировать правовые явления вне какой-либо связи с опосредствующими ими общественными отношениями. Но дело в том, что право как общественное явление не может изучаться само по себе, изолированно от предмета его регулирования, т.е. изолированно от регулируемых им общественных отношений.

Понятие общественного отношения — одно из главных категорий, имеющих методологическое значение для юридической науки, и проблема правового регулирования общественных отношений занимает центральное место не только в науке советского гражданского права. Поэтому проблему сущности права общей собственности как правового института и как субъективного права нельзя отнести только к специфическим проблемам науки советского гражданского права. Она является, на наш взгляд, одновременно и проблемой общей теории прав как частный вопрос правового регулирования конкретного вида общественных отношений. Здесь уместно припомнить известное методологическое указание В.И. Ленина: "... кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя "натягаться" на эти общие вопросы" [6, с. 368].

В литературе [23, с. 114] правильно указывается, что решение многих актуальных вопросов юридической науки и практики зависит от состояния разработки именно проблемы соотношения права и общественных отношений. Представляется, что нельзя развивать и теорию права общей собственности изолированно от проблемы соотношения этого права и общественных отношений. Проблема сущности права общей собственности как

правового института сводится, на наш взгляд, к проблеме правового регулирования отношений общей собственности. А это означает, что отправной точкой при исследовании сущности права общей собственности является исследование отношений общей собственности. Только после выявления сущности отношения общей собственности мы можем выявлять и сущность регулирующего его права общей собственности. Уже после этого выявляется и сущность правоотношения общей собственности и входящего в его содержание субъективного права общей собственности.

Поскольку научное исследование сущности общественных отношений не является задачей юристов, то мы исходим из высказанных в литературе основных характеристик этих отношений.

В философском плане явления и их сущность никогда не совпадают, хотя сущность всегда так или иначе проявляется и поэтому может быть выявлена путем углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т.д. от явлений к сущности [3, с. 343; 7, с. 203, 227]. Это относится и к отношениям общей собственности. Как и другие явления общественной жизни, отношения общей собственности познаются людьми и фиксируются в понятиях и определениях. В философском плане всякое явление имеет лишь одну сущность. Следовательно, мыслимо только единое понятие о конкретном явлении, а не их множество. Его точность зависит от полноты познания сущности того или иного явления. И это означает, что возможность сосуществования разных по содержанию понятий как отношения общей собственности, так и права общей собственности (в значении как правового института, так и субъективного права) исключается единством сущности отражаемых в этих понятиях явлений. Следовательно, задача состоит в том, чтобы прийти к таким понятиям отношения общей собственности и права общей собственности, которые максимально адекватно отражали бы сущность данных явлений.

В литературе [14, с. 1-2; 19, с. 6-7; 12, с. 4-7] приняты попытки исследовать сущность права общей собственности и на уровне регулируемых этим правом общественных отношений. Но авторы еще не пришли к единому пониманию общественных отношений общей собственности. Как нам кажется, противоречия у юристов при выявлении сущности права общей собственности во многом вызваны именно отсутствием четкой границы между отношениями собственности и отношениями общей собственности.

Что же такое отношение общей собственности?

Отношение общей собственности выступает как один из видов общественных отношений. В трудах классиков марксизма-ленинизма общественное отношение, как одна из наиболее общих категорий исторического материализма, рассматривается как продукт (результат) и форма взаимодействия людей, человеческой деятельности [1, с. 28; 4, с. 402, 403; 5, с. 424]. Человеческая деятельность как предметная деятельность [17, с. 103] всегда протекает в определенных общественных отношениях и в то же время порождает определенные общественные отношения. Общественные отношения, "являясь результатом прошлой деятельности, выступают формой по отношению к возникающей, актуальной деятельности" [20, с. 82].

Представляется, что и отношения общей собственности как общественные отношения слагаются из деятельности людей и в то же время выступают формой, в рамках которой эта деятельность осуществляется. Поэтому представляется конструктивным и перспективным встречающееся в литературе [21, с. 170; 19, с. 6-7; 15, с. 12; 12, с. 6-7; 13, с. 9] мнение, согласно которому при исследовании сущности отношений общей собственности надо различать общественные отношения, возникающие между самими участниками общей собственности и общественные отношения, возникающие между последними и иными лицами. Первые выступают как внутренние отношения между самими собственниками общей вещи, вторые - как внешние отношения между ними и всеми иными лицами, не являющимися собственниками этой вещи.

Некоторые же авторы полагают, что именно эти внутренние и внешние отношения в совокупности и образуют отношение общей собственности [14, с. 4; 15, с. 12; 12, с. 7] или же внутреннюю и внешнюю сторону этого отношения [13, с. 103]. При этом внутренние отношения носят относительный, внешние - абсолютный характер. Следовательно, по мнению этих авторов, отношение общей собственности как совокупность вышеуказанных внутренних и внешних отношений носит одновременно и относительный и абсолютный характер. А это означает, что такой же двойкий характер носят соответствующие правоотношения как общей долевой, так и общей совместной собственности. Развивая эту мысль, М.В. Самойлова [18, с. 104-105] полагает, что в правоотношении общей долевой собственности "сочетаются элементы, свойственные как абсолютным, так и относительным правоотношениям", и, следовательно, субъективное право общей долевой собственности, будучи элементом такого правоотноше-

ния, "выступает как абсолютное и как относительное".

Нам кажется, что при таком подходе не различаются внешние отношения как отношения собственности, являющиеся абсолютными отношениями, и внутренние отношения между самими собственниками как отношения общей собственности, являющиеся относительными отношениями. Вышеуказанные внутренние и внешние отношения качественно различаются друг от друга и в совокупности не могут выступать как новое общественное отношение - отношение общей собственности. Дело не меняется, если это отношение характеризуется как двойка комплицированное общественное отношение [12, с. 8]. Рассматривая совокупность вышеуказанных абсолютных и относительных отношений в качестве отношения общей собственности, мы по существу признали бы, что и отношения собственности являются одновременно как абсолютными, так и относительными отношениями или же они делятся на абсолютные и относительные отношения. Но вряд ли это адекватно отражало бы сущность отношений собственности.

Представляется, что вышеуказанные внешние отношения - это отношения участников общей собственности к общей вещи "как к своей", т.е. это отношения, в которых они противопоставляют себя всем лицам, не являющимся собственниками этой вещи. При отсутствии таких отношений с третьими лицами не было бы и самих участников общей собственности как собственников общей вещи.¹

Внутренние же отношения складываются между самими участниками общей собственности, т.е. между лицами, выступающими во внешних отношениях как собственники общей вещи. Во внутренних отношениях участники общей собственности выступают по отношению друг к другу именно как собственники общей вещи. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что "именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало - и повседневно воссоздает - существующие отношения" [1, с. 440]. Представляется, что приведенной характеристике общественных отношений соответствует как статика, так и динамика внутренних отношений, складывающихся между самими участниками общей собственности.

Именно эти внутренние отношения между собственниками или оперативными управителями по поводу владения, пользования и распоряжения одной и той же вещью и составляют, на наш взгляд,

---

¹ В данной статье понятием "участники общей собственности" охватываются и оперативные управители общей вещью.

отношения общей собственности. Эти внутренние отношения проявляются как фактическая взаимозависимость участников общей собственности по владению, пользованию и распоряжению ими общей вещью. Как общественные отношения, они нуждаются наряду с отношениями собственности в соответствующем правовом регулировании. В противном случае не было бы юридически обеспечено осуществление собственниками владения, пользования и распоряжения общей вещью, и существующая их фактическая взаимозависимость не носила бы юридического характера. Нормы же гражданского права, выражая объективные потребности социалистического общества, превращают эту фактическую взаимозависимость в юридическую путем правового регулирования отношений общей собственности.

Правовое регулирование отношений общей собственности происходит через нормативно-правовое воздействие на содержание этих общественных отношений, т.е. на поведение участников общей собственности по поводу владения, пользования и распоряжения общей вещью, в том числе выдела доли, раздела общего имущества, преимущественной покупки и т.п. Такое воздействие происходит путем предоставления участникам общей собственности субъективных прав и возложения на них юридических обязанностей, вне рамок которых нормы права вообще не в состоянии регулировать любые общественные отношения.

Отношения общей собственности носят относительный характер. Субъектный состав этих отношений всегда строго определен. Субъектами этих отношений выступают только участники общей собственности.

Внешние же отношения — это отношения собственности. Отношения собственности и возникающие при их правовом регулировании правоотношения собственности носят всегда абсолютный характер. Участникам общей собственности как собственникам общей вещи противостоит неограниченный круг обязанных лиц, не являющихся собственниками этой вещи. Эти лица должны воздерживаться от нарушения права собственности, принадлежащего участникам общей собственности на общую вещь. Следует особо подчеркнуть, что абсолютный характер правоотношения собственности обусловлен не правовым регулированием отношения собственности, а характером самих отношений собственности. Собственность как общественное отношение не мыслима без противопоставления собственнику (или собственникам общей вещи) неограниченного круга обязанных лиц. Абсолютной характер носит и входящее в содержание правоотношения собственности субъек-

тивное право собственности - оно противопоставлено любому лицу, с которым собственник соприкасается в процессе осуществления своих правомочий.

От общей собственности как общественного отношения следует отличать право общей собственности, в котором отношения общей собственности находят свое юридическое выражение и закрепление. Право общей собственности² в объективном смысле - это совокупность правовых норм, регулирующих отношения общей собственности. Следовательно, это право составляют включенные в гл. XII ГК ЭССР нормы права общей долевой собственности и общей совместной собственности колхозного двора. Нормы общей совместной собственности содержатся и в ч. 2 гл. II КОБС ЭССР, а также в Примерном уставе колхоза (ч. 2 п. II) и в Положении о производственном объединении в сельском хозяйстве (ч. 2 п. 27). Возникающие в результате такого правового регулирования правоотношения общей совместной собственности не являются правоотношениями собственности ни по содержанию, ни по субъектному составу.

Но в то же время эти правоотношения и правоотношения собственности тесно связаны. В литературе правильно указывается, что именно множественностью субъектов права собственности на один и тот же объект и вызвана необходимость специального нормирования отношений общей собственности [27, с. 294]. Правоотношения общей собственности возникают и существуют лишь при наличии правоотношения собственности, имеющего в качестве управомоченного субъекта двух или более лиц. Именно управомоченные субъекты правоотношения собственности выступают субъектами или правоотношений общей долевой собственности, или правоотношений общей совместной собственности. С другой стороны, такое правоотношение собственности всегда нуждается в правоотношении общей долевой или общей совместной собственности. В этом смысле можно сказать, что эти правоотношения носят по отношению к правоотношениям собственности служебный, вспомогательный характер. Юридические факты, приводящие к изменению субъектного состава правоотношения собственности, приводят в то же время и к изменению субъектного состава правоотношения общей долевой или общей совместной собственности. Ска-

---

² Представляется, что термин "право общей собственности" как и термин "отношение общей собственности" в научном плане не совсем точны. Подразумеваемое под этими терминами право не является правом собственности и отношение не является отношением собственности. Но пока проблема заключается не столько в терминах, сколько в содержании понятий, охватываемых этими терминами.

занное об этих взаимозависимостях относится и к соответствующим общественным отношениям, т.е. к отношениям общей долевой и общей совместной собственности, на критериях разграничения которых мы остановимся ниже. Но это, на наш взгляд, не означает, что собственность и общая собственность как общественные отношения сливаются или что они в совокупности составляют какое-то качественно новое общественное отношение. Они существенно различаются.

Нормы права собственности опосредствуют принадлежность конкретной вещи одному или нескольким лицам. Характерной чертой этих норм является "закрепление состояния присвоенности материальных благ у определенных лиц" [24, с. 406]. Следовательно, именно нормы права собственности регулируют собственность как общественное отношение по поводу владения, пользования и распоряжения конкретной вещью.

Нормы же права общей долевой собственности и права общей совместной собственности опосредствуют не принадлежность конкретной вещи нескольким лицам. Эти нормы лишь регулируют взаимоотношения этих лиц по поводу осуществления ими владения, пользования и распоряжения общей вещью. Поэтому нельзя согласиться с авторами, которые, хотя и различают отношения собственности и отношения общей собственности, но утверждают, что последние более сложны и поэтому регулируются они как нормами права собственности, так и "специальными нормами (ст. 116-134 ГК РСФСР)." [10, с. 69].

Представляется, что именно эти "специальные" нормы права воздействуют на поведение участников общей собственности по отношению друг к другу путем представления им соответствующих субъективных прав и возложения на них юридических обязанностей. В отличие от субъективного права собственности, как абсолютного права, субъективное право общей долевой и общей совместной собственности выступают как относительные права. Причем содержанием этих относительных прав вообще не являются, на наш взгляд, три правомочия собственника. При исследовании содержания субъективного права общей долевой собственности в литературе правильно отмечается, что в содержание этого субъективного права входят такие гарантированные законом возможности, какими не могут обладать индивидуальные собственники, например, правомочия выдела доли, раздела общего имущества, изменение размера доли, преимущественной покупки доли, определения порядка пользования общим имуществом и др. [15, с. 17; 18, с. 103-104].

Согласно ч. 2 ст. 26 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик различается "общая собственность с определением долей (долевая собственность) или без определения долей (совместная собственность)". Разграничение общей долевой собственности и общей совместной собственности вызывает дополнительные трудности при исследовании сущности общей собственности.

В литературе предпринята попытка раскрыть сущность права общей долевой собственности и общей совместной собственности путем дополнения понятийного аппарата теории общей собственности такими понятиями, как, например, "доля в праве собственности" [11, с. 3; 5, 35; 26, с. 423; 13, с. 14] или "доля в праве общей собственности" [26, с. 423]. В литературе встречается и предложение применить для разграничения разновидностей отношений общей собственности такое понятие как "объем отношения общей собственности" [12, с. 24]. При этом "объем этого общественного отношения обусловлен объемом доли общего собственника в общей вещи (в общем имуществе)" [12, с. 21].

Нельзя не обратить внимания на то, что содержание этих и им подобных понятий остается, на наш взгляд, нераскрытым, хотя необходимость в этом имеется. Кроме того, как нам кажется, сама идея расщепления как права, так и общественных отношений противоречит самому существу этих явлений. Представляется, что именно в этом и состоит непрочность стержневой идеи конструкции таких понятий. Количественные характеристики вряд ли применимы при исследовании и описании общественных отношений и опосредствующих их правовых явлений. В гносеологическом плане понятие - это форма теоретического отражения социальной реальности. Остается неясным, какая социальная реальность отражается в таких понятиях, как, например "доля в праве собственности" и "объем общественного отношения". В то же время для выявления сущности правовых явлений нельзя довольствоваться тем, что они названы в нормативных актах. Представляется, что названные в ч. 2 ст. 26 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик "доли" существуют не в праве собственности, а в стоимости общей вещи [16, с. 82, 92; 17^а, с. 110-112; 14, с. 6; 19, с. 8; 15, с. 22-23].

По вышеизложенным соображениям нам кажется возможным в принципе иной подход к рассматриваемой проблеме.

В познании сущности конкретного общественного явления

имеются уровни различного порядка. Это относится и к такому явлению как общая собственность. Не претендуя на бесспорность, мы полагаем, что на уровне общественных отношений отношения общей долевой и общей совместной собственности по экономическому содержанию одинаковые. Они характеризуются общими признаками отношений общей собственности как вышеуказанные внутренние отношения между самими участниками общей собственности по поводу владения, пользования и распоряжения общей вещью. Поэтому участниками общей собственности рассматриваются нами как участники общей долевой собственности, так и участники общей совместной собственности.

В общественных отношениях, регулируемых правом, выделяются субъекты, а также содержание этих отношений.³ Представляется, что при правовом регулировании общественных отношений учитывается и специфика взаимосвязей субъектов этих общественных отношений. При исследовании вопросов личной собственности в литературе [22, с. 17] отмечается, что особый правовой режим устанавливается не только для личной собственности граждан на жилой дом, дачу, автомобиль, но и для личной собственности супругов, семьи колхозника. Это относится, на наш взгляд, и к субъектам отношений общей собственности.

Как было указано выше, субъектами отношений общей собственности выступают всегда участники общей собственности. Последние же в качестве субъектов отношений общей собственности располагают своей спецификой. Проявляется эта специфика, на наш взгляд, через характер их взаимозависимостей. Взаимозависимости субъектов отношений общей собственности могут быть чисто имущественного характера, но могут осложняться и элементами неимущественного, личного характера. Представляется, что общая долевая и общая совместная собственность как общественные отношения различаются не по экономическому содержанию, а именно в зависимости от специфики субъектного состава отношений общей собственности, проявляющейся через характер взаимосвязей их субъектов. При общей долевой собственности субъектов объединяют лишь имущественные взаимосвязи [10, с. 69]. При общей совместной собственности субъектов объединяют еще неимущественные, личные взаимосвя-

---

³ Автор статьи придерживается мнения, согласно которому объект не входит в структуру общественных отношений. Все то, по поводу чего слагались общественные отношения, остается вне этих отношений как и регулирующее их право.

зи. Охарактеризовав совместную собственность, Д.К. Толстой правильно отмечает: "Участники совместной собственности, что вытекает из ее субъектного состава, связаны отношениями не только имущественного, но и личного характера" [27, с. 303].

В первом случае отношения общей собственности выступают как отношения общей долевой собственности, во втором же случае — как отношения общей совместной собственности.

При правовом регулировании законодатель учитывает, на наш взгляд, вышеуказанную специфику субъектов отношения общей собственности, проявляющуюся через характер их взаимозависимостей, и устанавливает нормы права, регулирующие эти отношения по-разному. При правовом регулировании отношения общей долевой собственности законодатель учитывает размер трудовых затрат и имущественных взносов каждого из субъектов, произведенных для создания или приобретения общей вещи. Достигается это путем законодательного установления определенных долей в стоимости общей вещи, размер которых обусловлен размером произведенных каждым участником общей собственности трудовых затрат или имущественных взносов при создании или приобретении общей вещи [19, с. 8]. Нормы права, устанавливающие и развивающие этот принцип, составляют в совокупности право общей долевой собственности. Регулируемые этими нормами отношения общей долевой собственности выступают правоотношениями общей долевой собственности, элементом содержания которых является субъективное право общей долевой собственности. При правовом регулировании отношений общей совместной собственности, субъектов которых объединяют еще неимущественные, личные взаимосвязи (супруги, члены колхозного двора), законодатель не учитывает размера произведенных субъектами трудовых затрат и имущественных взносов. Выражается это в том, что соответствующие правовые нормы не придают правового значения размерам произведенных каждым участником общей собственности трудовых затрат или имущественных взносов при создании или приобретении общей вещи. Они не устанавливают каких-либо долей в стоимости такой вещи. Нормы права, устанавливающие и развивающие этот принцип, составляют в совокупности право общей совместной собственности. Регулируемые этими нормами отношения общей совместной собственности выступают правоотношениями общей совместной собственности, элементом содержания которых является субъективное право общей совместной собственности.

Представляется, что вышеуказанное относится и к слу-

чаем, когда участниками общей собственности выступают социалистические организации. Такими социалистическими организациями в настоящее время являются прежде всего предприятия и организации, входящие в производственные объединения в сельском хозяйстве и в состав районных агропромышленных объединений.

Из Положения о производственном объединении в сельском хозяйстве [29, ст. 15] вытекает, что отношения общей собственности между входящими в это объединение предприятиями и организациями регулируются нормами права общей совместной собственности (п. 27). Это положение воспроизведено в ч. 2 п. II Примерного устава колхоза (в редакции постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 10 июля 1980 г.).

Согласно п. 33 Типового положения о районном агропромышленном объединении [30, ст. 1] имущество такого объединения состоит из централизованных фондов и другого имущества, закрепленного за объединением. Постановлением Совета Министров Союза ССР от 25 ноября 1982 г. № 1015 [30, ст. 1] установлено, что централизованные фонды районного агропромышленного объединения создаются за счет отчисления средств предприятий и организаций, входящих в состав объединения (п. 3). Следовательно, по поводу имущества районного агропромышленного объединения входящие в состав такого объединения предприятия и организации выступают как участники общей собственности.

Являются ли слагающиеся между такими участниками общей собственности отношения отношениями общей долевой или же общей совместной собственности?

Типовое положение о районном агропромышленном объединении прямого ответа на этот вопрос не содержит. Ответ же на этот вопрос зависит, на наш взгляд, от характера взаимосвязей участников общей собственности, т.е. входящих в состав районного агропромышленного объединения социалистических организаций.

Представляется, что отношения, слагающиеся между входящими в состав районного агропромышленного объединения предприятиями и организациями, не сводятся к чисто имущественным взаимосвязям. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что при создании агропромышленных объединений имелось в виду прежде всего становление новых отношений между людьми, которые связаны единой целью, единым интересом, ответственностью за конечные результаты общей работы [9, с. 62]. Поэто-

му отношения общей собственности между входящими в состав районного агропромышленного объединения предприятиями и организациями выступают, на наш взгляд, отношениями общей совместной собственности. Следовательно, их надо было бы регулировать нормами права общей совместной собственности. Это способствовало бы совершенствованию и развитию этих, свойственных обществу развитого социализма, общественных отношений. Но так как общая совместная собственность может возникнуть лишь в случаях, прямо предусмотренных законом, надо было бы внести соответствующее дополнение в Типовое положение о районном промышленном объединении.

Таким образом, правоотношения общей долевой и общей совместной собственности выступают как результат разного правового регулирования отношений общей долевой и общей совместной собственности. Относящиеся к отношениям общей собственности последние не различаются между собой по экономическому содержанию. Они различаются по специфике субъектного состава, проявляющейся через характер их взаимосвязей. В литературе правильно отмечается, что внутренняя связь участников общей собственности может быть простой и сложной [13, с. 9].

В отличие от ГК всех остальных союзных республик в Гражданском кодексе Литовской ССР нормы права общей долевой собственности и нормы права общей совместной собственности разделены на группы и группы этих норм соответственно озаглавлены. По вышеизложенным соображениям такой подход к структуре соответствующей главы ГК теоретически обоснован. Представляется, что эта структурная особенность ГК Литовской ССР достойна быть принятой гражданскими кодексами других союзных республик.

В правовых нормах всегда выражается государственная воля. Последняя же, как отмечал Ф. Энгельс, определяется "в общем и целом изменяющимися потребностями гражданского общества, ... а в последнем счете - развитием производительных сил и отношений обмена" [2, с. 310]. Представляется, что на данном этапе развития социалистических общественных отношений законодатель не может не учитывать характера взаимозависимостей участников общей собственности. Установление законодателем как норм права общей долевой собственности, так и норм права общей совместной собственности обусловлено достигнутым уровнем развития производительных сил и отношений обмена в нашем обществе. Если же, например, отношения общей

долевой собственности, регулируемые в настоящее время нормами права общей долевой собственности, будут в дальнейшем, учитывая их развитие, регулироваться нормами права общей совместной собственности, тогда доли в стоимости общей вещи, соответствующие размерам произведенных для создания или приобретения этой вещи трудовых затрат и имущественных взносов, лишатся всякого юридического значения и в правовом плане они вообще перестанут существовать. Вышеуказанное же различие во взаимосвязях участников общей собственности сохраняется. Следовательно, отношения общей долевой и общей совместной собственности не перестанут существовать и в таком случае.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3.
2. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1.
4. Маркс К. Маркс - Павлу Васильевичу Анненкову в Париж. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27.
5. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. - Полн. собр. соч., т. 1.
6. Ленин В.И. Отношение к буржуазным партиям. - Полн. собр. соч., т. 15.
7. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля "Лекции по истории философии". - Полн. собр. соч., т. 29.
8. Материалы XXV съезда КПСС. - М.: Политиздат, 1976.
9. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14-15 июня 1983 года. - М.: Политиздат, 1983.
10. Батуров Г.П. Разрешение судом споров о праве собственности на жилое строение. - М.: Юрид. лит., 1978.
11. Зимелева М.В. Общая собственность в советском гражданском праве. - Учен. зап./ВШОН, 1941, вып. 2.
12. Касък П.П. Понятие и виды отношений общей собственности. - Учен. зап. /Тартуский гос. ун-т, 1978, вып. 452. Труды по правоведению. Проблемы совершенствования правового регулирования народного хозяйства.

13. Линникова Н.Ю. Право общей долевой собственности граждан. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1982.
14. Мананкова Р.П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Томск, 1970.
15. Мананкова Р.П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977.
16. Маркова М.Г. Понятие и содержание права общей собственности. - В кн.: Очерки по гражданскому праву. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.
17. Перфильев М.Н. Общественные отношения. - Л.: Наука, 1974.
- 17^а. Ринк Х. Конструкция доли общей собственности в советском гражданском праве. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, 1959, вып. 61. Труды юридического факультета.
18. Самойлова М.В. Элементы относительности в абсолютном праве общей долевой собственности. - Правоведение, 1978, № 4.
19. Сепп Х.В. Проблемы приобретения права собственности и права оперативного управления. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Вильнюс, 1974.
20. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. - М.: Юрид. лит., 1980.
21. Толстой Ю.К. - Д.Ф. Еремеев. Право личной собственности в СССР. - Правоведение, 1960, № 2.
22. Толстой Ю.К. Конституция СССР и право собственности. - Советское государство и право, 1978, № 7.
23. Явич Л.С. Право и общественные отношения (методологический аспект проблемы). - В кн.: Проблемы теории социалистического государства и права / ИГиП АН СССР. М., 1977.
24. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. О.А.Красавчикова. - М.: Высшая школа, 1968, т. I.
25. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. О.А.Красавчикова. - М.: Высшая школа, 1972, т. I.
26. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. В.П.Грибанова и С.М. Корнеева. - М.: Юрид. лит., 1979, т. I.
27. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. В.Г.Смирнова, Ю.К. Толстого и А.К. Юрченко. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, ч. I.
28. Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик / Под

ред. С.Н. Братуся и Е.А. Флейшиц. - М.: Юрид. лит., 1962.

29. Положение о производственном объединении в сельском хозяйстве. Утв. пост. СМ СССР от 7 декабря 1978 г. № 1009. - СП СССР, 1979, № 3, ст. 15.
30. Постановление Совета Министров СССР от 25 ноября 1982 г. № 1015 "Об утверждении Типового положения о районном агропромышленном объединении". - СП СССР, 1983, № 1, ст. 1.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ

П. П. Касък

Актуальность вопросов правового регулирования отношений общей собственности вытекает из задач, поставленных XXVI съездом КПСС и последующими пленумами ЦК КПСС перед советским народом по развитию социалистического народного хозяйства, особенно по выполнению Продовольственной программы, выработанной на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС. Интеграция производственных мощностей, создание сельскохозяйственных объединений и агропромышленных комплексов, проводимые в интересах решения этих задач, вызывают новые формы переплетения отношений государственной и кооперативной собственности, рассматриваемые в качестве отношений общей собственности. Расширение существования отношений общей собственности в нашем народном хозяйстве в свою очередь требует углубленной теоретической разработки вопросов правового регулирования этих отношений, среди которых центральное место занимает определение понятия и видов правоотношения общей собственности. В данной статье делается попытка рассмотреть этот малоисследованный в нашей специальной литературе вопрос.

Правоотношения общей собственности являются составным элементом системы правоотношений собственности. В то же время они представляют собой определенную систему правоотношений общей долевой и общей совместной собственности. Такое место и структура правоотношений общей собственности и определяют методику их исследования - от известных общих положений правоотношения собственности к специфическим положениям правоотношений общей собственности и от известных общих положений правоотношений общей собственности к специфическим положениям правоотношений общей долевой и общей совместной собственности. Другими словами, исследование правоотношений общей собственности должно исходить из тех же положений, которые действуют относительно правоотношений собственности в целом, а исследование правоотношений общей долевой и общей совместной собственности - из положений, свойственных всем правоотношениям общей собственности.

Логическим выводом этой методики является представление

о правоотношении общей собственности как и об элементе другой системы – механизме правового регулирования отношений общей собственности аналогично правоотношению собственности, которое выступает элементом механизма правового регулирования отношений собственности. Таким образом, правоотношение общей собственности рассматривается как элемент двух разноплоскостных систем – правоотношений собственности и механизма правового регулирования отношений общей собственности.

Логическим выводом этой методики является представление о правоотношении общей собственности как и об элементе другой системы – механизме правового регулирования отношений общей собственности аналогично правоотношению собственности, которое выступает элементом механизма правового регулирования отношений собственности. Таким образом, правоотношение общей собственности рассматривается как элемент двух разноплоскостных систем – правоотношений собственности и механизма правового регулирования отношений общей собственности.

При таком понимании правоотношения общей собственности мы неизбежно сталкиваемся с понятиями отношений собственности и правоотношений собственности, с понятием отношений общей собственности и с понятиями их подвидов – общей долевой и общей совместной собственности. Поскольку в специальной литературе имеются разные, между собой противоречащие определения одних понятий, а для определения других предпринимаются только первые попытки, то в интересах ясности дальнейшего изложения данной статьи необходимо объяснить позицию автора в отношении этих исходных положений.

Фундаментальным понятием при изучении всех правовых явлений собственности является несомненно понятие собственности в значении материального общественного отношения. Относясь к предмету изучения политической экономии и будучи тесно связана со многими правовыми явлениями как соответствующими ей элементами надстройки, собственность находится постоянно в центре внимания политэкономов, юристов и других обществоведов. В силу сложности проблематики собственности и множества исследователей, занимающихся этими проблемами, по одним и тем же вопросам высказано много различных точек зрения, в том числе и о понятии собственности. Так, сторонники долгое время господствующей школы утверждают, что собственность в экономическом смысле – это присвоение предметов при-

роды и в то же время – это отношения присвоения предметов природы [1, с. 22-29; 2, с. 7; 3, с. 113]. В последние годы все больше авторов рассматривают отношение собственности как совокупность общественных отношений по владению, пользованию и распоряжению средствами производства и предметами потребления [4, с. 252; 5, с. 225-226; 6, с. 210-211]. По их мнению, отношение собственности – это осложненное общественное отношение, состоящее в свою очередь из трех общественных отношений, которые возникают в связи с владением, пользованием и распоряжением вещей. Сторонники двух названных школ при определении понятия собственности обычно полностью исключают точки зрения друг друга, т.е. первые не связывают понятие собственности с отношениями владения, пользования и распоряжения, а другие не связывают это понятие с присвоением.

Справедливо, конечно, что собственность нельзя отождествлять с присвоением, ибо мы имеем дело с явлениями, которые находятся на разных плоскостях – с общественным отношением и с определенным действием (процессом). Но обойти при определении понятия собственности понятие присвоения нельзя. Задача здесь состоит в выяснении соотношения собственности и присвоения как общественных явлений. Думается, что соотношение этих явлений выяснится, если сравнивать собственность с отношениями присвоения. Если исходить из того положения, что присвоение в самом широком плане связано с обменом веществ и тем самым является основой жизнедеятельности всей живой природы – как людей, так и животных и растений, – то специфической формой присвоения в обществе выступает производство [7, с. 11]. Производственные отношения, следовательно, рассматриваемы как отношения присвоения. Отсюда и вытекает соотношение собственности и отношений присвоения. Собственность как ядро производственных отношений также рассматривается в качестве отношений присвоения, т.е. она составляет часть производственных отношений и тем самым часть отношений присвоения. Основой производственных отношений (отношений присвоения) является производство как присвоение, основой собственности – та часть производства (присвоения), которая связана с владением, пользованием и распоряжением имуществом (вещами).

Таким образом, указанные выше основные точки зрения по существу собственности не исключают, а наоборот, дополняют друг друга. Автор данной статьи и рассматривает собствен-

ность как совокупность отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом (вещами), которая в то же время представляет собой определенную часть отношений присвоения.

Что касается понятия правоотношения собственности, то это зависит прямо от понимания правоотношения в целом. Исходя здесь из весьма распространенной так называемой традиционной точки зрения, по которой правоотношение есть общественное отношение, урегулированное нормами права, субъекты которого связаны взаимными правами и обязанностями [8, с. 23, 211; 9, с. 545], следует понимать и правоотношение собственности как урегулированное нормами права отношение собственности, субъекты которого связаны взаимными субъективными правами и обязанностями. Из этого понимания неизбежно вытекает, что отношение собственности вследствие правового регулирования якобы превращается в правоотношение собственности. Положение о том, что общественные отношения в ходе правового регулирования приобретают новое качество и превращаются в правоотношения, критикуется сторонниками другой школы, возглавляемой Ю.К. Толстым. По их мнению, общественные отношения вследствие правового регулирования не получают нового качества, не превращаются в правоотношения. Они рассматривают правоотношение как особое идеологическое общественное отношение, которое возникает в ходе правового регулирования общественных отношений в силу воздействия правовой нормы и юридического факта, причем продолжают существовать и регулируемые общественные отношения. Через правоотношение и происходит регулирование общественных отношений нормами права [10, с. 118-125; 11, с. 18-23; 12, с. 32-36; 13, с. 52; 14, с. 23-27; 15, с. 334-339].

Сравнивая эти противоположные положения о понятии правоотношения, автор данной статьи считает правильным при определении понятия правоотношения собственности исходить из развитой Ю.К. Толстым точки зрения и рассматривать правоотношение собственности не как урегулированное нормами права отношение собственности, а как особое идеологическое отношение, возникшее в ходе правового регулирования отношений собственности (подробнее об этом см. 16, с. 2 и далее).

Приведенные выше положения о собственности и правоотношении собственности и лежат в основе анализа понятия отношений общей собственности и правовых вопросов общей собственности. Это значит, что отношения общей собственности рассматриваются как определенная разновидность совокупности отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом (ве-

щами), а правоотношения общей собственности – как особые идеологические отношения, которые возникают в ходе правового регулирования отношений общей собственности.

Если о понятии отношений собственности в специальной литературе высказано множество различных точек зрения, то этого нельзя сказать относительно понятия отношений общей собственности, поскольку эта область еще мало исследована. Обусловлено это тем, что правовые вопросы общей собственности до сих пор, как правило, рассматриваются в отрыве от их материальной основы, т.е. от отношений общей собственности, и поэтому среди юристов отсутствует необходимый интерес к этой теме. Такой неправильной методикой и пробелом в разработанности теоретических положений отношений общей собственности и объясняется трудность разработки правовых вопросов общей собственности.

Специфика отношений общей собственности вытекает из того факта, что при этой форме собственности, в отличие от других видов и форм отношений собственности, всегда имеется два или более собственника при наличии одной и той же вещи (или совокупности вещей) в качестве объекта этих общественных отношений. Множественностью собственников на одну и ту же вещь обусловлено наличие двояких общественных отношений: во-первых, отношения между общими собственниками и всеми остальными лицами и, во-вторых, отношения между самими собственниками. В связи с этими двоякими отношениями возникает принципиальный вопрос: какие из них являются отношениями общей собственности? Прямо на этот вопрос отвечает Х.В. Сепп: "... отношения между двумя или несколькими собственниками по поводу владения, пользования и распоряжения общей вещью и образуют в своей совокупности отношение общей собственности" [17, с. 6-7]. Зато из изложения Д.С. Червоного видно, что он предполагает существование в составе отношений общей собственности как отношений между общими собственниками и всеми остальными лицами, так и отношений между самими общими собственниками [18, с. 102-103]. Автору данной статьи представляется неправильной точка зрения Х.В. Сеппа, по которой отношения между общими собственниками и всеми остальными лицами исключаются из состава отношений общей собственности. Отношения между общими собственниками и между общими собственниками всеми остальными лицами являются однородными – это отношения по владению, пользованию и распоряжению одной и той же вещью, (совокупностью вещей), их обоих характеризует множествен-

ность собственников при одном объекте собственности и такими же они, в отличие от индивидуальных отношений собственности, сообща составляют отношения общей собственности.

Сказанное представляет собой лишь частичный ответ на поставленный вопрос. Еще следует выяснить, составляют ли общественные отношения между самими общими собственниками и между общими собственниками и всеми остальными лицами по владению, пользованию и распоряжению общим объектом (вещью или совокупностью вещей) одно или несколько отношений общей собственности? Прямые высказывания по этому вопросу в нашей специальной литературе отсутствуют. Однако из трактовок правовых вопросов общей собственности, особенно, если речь идет о долях в субъективном праве общей собственности, явствует, что многие авторы предполагают при одном общем объекте собственности наличие и одного отношения общей собственности. Ведь доли в субъективном праве общей собственности предполагают существование и целостного субъективного права общей собственности, а последнее в свою очередь предполагает существование и целостного правоотношения общей собственности и далее - целостного отношения общей собственности, субъектами которого выступают общие собственники. На первый взгляд, такое представление об отношении общей собственности кажется соответствующим действительности. Но если учесть, что общественные отношения существуют не между субъектами и объектами, а между самими субъектами по поводу объектов, то следует признать, что количество отношений общей собственности определяет не общее имущество, а количество общих собственников. Следовательно, отношение общей собственности состоит из общественных связей одного общего собственника с другими общими собственниками и всеми остальными лицами по владению, пользованию и распоряжению одним и тем же имуществом. И далее - при одном общем имуществе существует не одно, а столько же отношений общей собственности, сколько имеется общих собственников (подробнее об этом см. 19, с. 4 и далее).

Используемая методика исследования и представленное понимание сущности отношений собственности и общей собственности, а также правоотношения собственности открывают новые возможности в изучении правоотношения общей собственности и других правовых явлений общей собственности. Прежде всего рассмотрение правоотношения общей собственности как особого идеологического отношения, которое возникает в ходе правового регулирования отношений общей собственности и через

которое правовые нормы регулируют эти отношения, позволяет определить место и функцию правоотношения общей собственности в механизме правового регулирования. Возникая в силу юридического факта (или юридического состава) и правовых норм, правоотношение общей собственности входит в качестве идеологического отношения в состав надстройки общества. Вместе с правовой нормой оно направлено на регулирование материального отношения общей собственности, которое в качестве элемента базиса общества продолжает существовать и после возникновения правоотношения общей собственности. В самом общем плане роль правоотношения общей собственности аналогична активному воздействию надстройки на базис общества. Конкретно эта активная (регулирующая) роль правоотношения общей собственности выражается в направлении (через права и обязанности) поведения своих субъектов, которые одновременно являются и субъектами материального отношения общей собственности. Через направление поведения субъектов отношений общей собственности и формируются эти отношения, а тем самым достигается и цель их правового регулирования.

Принципиальное значение для изучения правовых вопросов общей собственности имеет понимание сущности отношения общей собственности как совокупности общественных связей одного общего собственника с другими общими собственниками и всеми остальными лицами по владению, пользованию и распоряжению общим имуществом. Обусловлено это тем, что в ходе правового регулирования возникает правоотношение общей собственности между этими же субъектами. А это значит, что при одном общем имуществе возникает не одно, а столько правоотношений общей собственности, сколько имеется общих собственников.

Таким образом, субъектный состав правоотношения общей собственности непосредственно предопределен субъектами отношения общей собственности. В этом правоотношении один управомоченный субъект - общий собственник. Ему корреспондируют в качестве обязанных субъектов определенное число других общих собственников и неопределенное число всех остальных лиц. Такой субъектный состав определяет специфику правоотношения общей собственности. Самое главное - общему собственнику как управомоченному субъекту этого правоотношения принадлежит не доля в субъективном праве общей собственности, а целостное субъективное право. Специфика субъективного права общей собственности, следовательно, не состоит в многосубъектности этого права. В этом плане субъективное право общей собственности

ти аналогично субъективному праву индивидуальной собственности - в обоих случаях в правоотношении собственности один управомоченный субъект. Специфика субъективного права общей собственности проявляется в ином, а именно в ограниченном объеме этого права, в его сравнении с субъективным правом индивидуальной собственности. Все общие собственники как управомоченные лица имеют юридически обеспеченную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом, но никто из них не имеет этой возможности в полном объеме в отношении общего имущества. Объем субъективного права общей собственности каждого общего собственника ограничен теми же правами других общих собственников, которые являются управомоченными субъектами в других правоотношениях общей собственности по поводу того же общего имущества.

При такой конструкции субъективного состава правоотношения общей собственности, между прочим, отпадает естественным образом долгооспариваемый вопрос о возможности деления субъективного права общей собственности на доли по управомоченным субъектам, ибо в этом правоотношении отсутствует множественность управомоченных субъектов, между которыми это право делилось на доли.

Специфика правового отношения общей собственности проявляется и на обязанной стороне субъектов. В отличие от правоотношения индивидуальной собственности в правоотношении общей собственности юридические обязанности носят двоякий характер. Если для правоотношения индивидуальной собственности характерна пассивная обязанность всех лиц, корреспондирующих собственнику, то в правоотношении общей собственности юридические обязанности других общих собственников, корреспондирующих одному управомоченному общему собственнику, содержат элементы как пассивной, так и активной обязанности. Другие общие собственники обязаны не только воздерживаться от препятствования управомоченному общему собственнику осуществлять свое субъективное право, а совершать также определенные поступки, нужные для управомоченного общего собственника при осуществлении своего субъективного права. Зато юридические обязанности всех остальных лиц лишь пассивные и не отличаются по существу от юридической обязанности субъектов в правоотношении индивидуальной собственности.

Двоякое положение обязанных субъектов и характер лежащих на них обязанностей обуславливают и двоякий характер правовых связей между управомоченными и обязанными лицами. Пра-

вовне связи между одним управомоченным общим собственником и обязанными общими собственниками носят относительный характер - число обязанных лиц всегда известно. Зато правовые связи управомоченных субъектов с участием всех остальных лиц, круг которых неопределен, носят абсолютный характер. Такому делению правовых связей в рамках правоотношения общей собственности соответствуют и активные и пассивные обязанности других собственников и всех остальных лиц. Правоотношение общей собственности в целом, следовательно, носит одновременно и абсолютный и относительный характер. Кроме того, правоотношение общей собственности в целом характеризуется еще ограниченным объемом по сравнению с правоотношением индивидуальной собственности. Обусловлено это, с одной стороны, ограниченным объемом отношения общей собственности, которое в свою очередь определено объемом доли общего собственника в общем имуществе (подробнее об этом см. 19, с. 12 и далее), а с другой, - существованием по поводу одного и того же общего имущества других правоотношений общей собственности.

Взяв за основу принцип, по которому объектом конкретного явления служит то, на что это явление направлено, и понимание, что правоотношение - это особое идеологическое отношение, возникшее в ходе правового регулирования общественных отношений и направленное на регулирование этих же отношений, определить объект правоотношения общей собственности не трудно - им является материальное отношение общей собственности. Это же отношение выступает и объектом субъективного права общей собственности как элемента содержания правоотношения общей собственности. Не прибегая к анализу различных точек зрения об объекте правоотношения и поддерживая представленное понимание, добавим здесь, что материальные объекты, вещи являются в отношении правовых явлений безразличными и поэтому не могут быть объектами последних. Правовые явления оказывают воздействие на сознание и поведение людей и через последних - на общественные отношения. К этой цели устремлены и правоотношение общей собственности и субъективное право общей собственности.

Видами правоотношения общей собственности являются правоотношение общей долевой собственности и правоотношение общей совместной собственности. Все сказанное о правоотношении общей собственности относится и к обоим его видам. Специфические черты правоотношений общей долевой и общей совместной собственности вытекают соответственно из особенностей отношений общей долевой и общей совместной собственности, в ходе

правового регулирования которых и возникают эти правоотношения. Названные особенности состоят главным образом в разном определении объема отношений общей долевой и общей совместной собственности. В первом случае объем отношения общей собственности соответствует объему доли общего собственника в общем имуществе, размер которой в дробном или процентном выражении всегда известен. Во втором случае объем отношения общей собственности соответствует объему доли общего собственника в общем имуществе, размер которой не известен, а предполагается равным долям других общих собственников (подробнее об этом см. 19, с. 21 и далее). Следовательно, объем правоотношения общей долевой собственности также соответствует доле общего собственника в общем имуществе, размер которой известен, а объем правоотношения общей совместной собственности соответствует доле в общем имуществе, размер которой не известен и поэтому предполагается равным долям других общих собственников.

Дополнительным критерием различия этих правоотношений является особый субъектный состав уполномоченной стороны — общими совместными собственниками могут выступать из граждан лишь супруги и члены колхозного двора, а общими долевыми собственниками — государство, кооперативные и общественные организации и все граждане.

В итоге можно определить понятие правоотношения общей собственности как особое идеологическое отношение, которое возникает в ходе правового регулирования отношений владения, пользования и распоряжения общим имуществом между одним общим собственником и всеми остальными лицами, в том числе и другими собственниками того же имущества, причем объем этого правоотношения определен объемом доли общего собственника в общем имуществе.

Определение понятий правоотношения общей долевой и общей совместной собственности аналогично определению понятия правоотношения общей собственности в целом. Их следует лишь дополнить указанием при определении понятия правоотношения общей долевой собственности на то, что объем этого правоотношения определен объемом доли в общем имуществе, размер которой всегда известен, а при понятии правоотношения общей совместной собственности на то, что объем этого правоотношения определен объемом доли в общем имуществе, размер которой не известен и поэтому предполагается равным долям других общих собственников.

Литература

1. Венедиктов А.А. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948.
2. Колганов М.В. Собственность в социалистическом обществе. М., 1953.
3. Тархов В.А. Советское гражданское право. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978.
4. Советское гражданское право. М., 1965, т. I.
5. Советское гражданское право. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1971, т. I.
6. Советское гражданское право. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, ч. I.
7. Тохтабаев М. О сущности и соотношении категорий "присвоение" и "собственность". - Экономические науки, 1976, № 6.
8. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.
9. Теория государства и права. М., 1974.
10. Толстой Ю.К. Проблемы обеспечения субъективных гражданских прав. - Вестн. ЛГУ, 1952, № 3.
11. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959.
12. Толстой Ю.К. Еще раз о правоотношении. - Правоведение, 1969, № 1.
13. Мозолин В.П. О гражданско-процессуальном правоотношении. - Советское государство и право, 1955, № 6.
14. Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений. - Советское государство и право, 1957, № 2.
15. Общая теория государства и права. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1974, т. 2.
16. Касък П.П. О правоотношении собственности и о субъективном праве собственности. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, 1975, вып. 370. Труды по правоведению, XVII.
17. Селп Х.В. Проблемы приобретения права собственности и права оперативного управления. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Вильнюс, 1974.
18. Червоный Ю.С. Понятие и виды общей собственности по советскому праву. - В кн.: Вопросы государства и права развитого социалистического общества: Тезисы респ. научной конф. Харьков, 1975.
19. Касък П. Понятие и виды отношений общей собственности. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, 1978, вып. 452. Труды по правоведению, XXIV.

ОХРАНА ПРАВ ГРАЖДАН В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РАЗВИТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Э.Л. Плоом

На XI пятилетку и 80-е годы в целом КПСС выдвинула широкую программу дальнейшего подъема благосостояния народа. Эта программа охватывает улучшение всех сторон жизни советских людей - потребление и жилье, культуру и отдых, условия труда и быта [1]. Первостепенное значение в усилиях партии по подъему благосостояния народа приобретает расширение производства и улучшение качества товаров народного потребления [2, с. 15], развитие сферы услуг. Но реализация утвержденной XXVI съездом КПСС грандиозной программы дальнейшего развития общества обуславливает необходимость совершенствования всей системы правового регулирования общественных отношений, повышения ее эффективности. Важнейший принцип, установленный в ст. 15 Конституции СССР, что высшей целью общественного производства при социализме является наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей [3, с. 67], требует существенных изменений в подходе к проблеме регулирования имущественных отношений социалистического общества. Это требует глубокой разработки проблем теории права, в том числе теории отраслевых юридических наук, в частности теории гражданского права [4, с. 15]. В отличие от многих других отраслей советского права именно гражданское право характеризуется тем, что его метод регулирования распространяется по существу на всю цепочку имущественных отношений, начиная со стадии производства и кончая потреблением. Поэтому следует решить практические вопросы о придании советскому гражданскому праву таких черт и характеристик, которые вписались бы в модель права развитого социализма. Разумеется, в настоящее время еще трудно говорить о деталях и отдельных штрихах такой модели, но уже имеются определенные возможности определения основных контуров и особенностей советского гражданского права эпохи зрелого социализма [5, с. 7]. На XXVI съезде КПСС установили, что большой эффект дает проводимое на основе Конституции обновление советского законодательства, и совершенствование законодательства будет продолжаться. Здесь

выдвигается три направления как первоочередные: руководство народным хозяйством, осуществление конституционных прав граждан и общественных организаций, завершение издания общесоюзного свода законов [6, с. 64]. Все указанные направления имеют прямое отношение к гражданскому праву.

Нормами гражданского права регулируются многочисленные имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения. Поэтому в рамках данной статьи невозможно исследовать все гражданско-правовые отношения в развитом социалистическом обществе, а ограничимся лишь рассмотрением некоторых вопросов договорного отношения. Такой выбор вопроса исследования обоснован тем, что одну из узловых позиций в системе гражданского права, применяемого в сфере экономики на этапе зрелого социализма, занимает договор. Он служит тем основным артериальным каналом, который связывает воедино все звенья социалистической экономики, обеспечивает жизнедеятельность и функционирование производства, обмена и потребления [5, с. 13].

Как отмечается в литературе, в настоящее время одна из актуальных задач в области исследования института договора состоит в повышении потенциала синхронного действия всех частей единой договорной системы в нашей стране, улучшении стыковки отдельных договоров, входящих в данную систему. Вся система договоров должна в конечном счете работать на потребителя, на наиболее полное и всестороннее удовлетворение его интересов [5, с. 13]. Только с этих позиций можно оценить состояние законодательства и перспективы его развития в целом по системе и по отдельным видам составляющих ее договоров [5, с. 13]. Согласно вышеуказанному необходимо отметить, что в юридических исследованиях пока отсутствуют работы, рассматривающие системно проблемы договоров, регулирующих отношения по производству и потреблению, или иначе выражаясь, проблемы производства продукции в промышленности и удовлетворения потребности населения в этой продукции. Так как вся система договоров должна работать на потребителя, необходима полная взаимосвязь между договорами, регулирующими промышленное производство, снабжение, розничную торговлю и обслуживание населения. С позиций полного и всестороннего удовлетворения интересов граждан можно оценить состояние законодательства. Исходя из этого обязанность социалистических обслуживающих организаций не просто торговать, ремонтировать и т.д., не просто осуществлять соответствующий вид

хозяйственной деятельности и выполнять установленные для них плановые задания, а именно удовлетворять потребности своих контрагентов-граждан. Социалистическая розничная торговля — не простая, обычная продажа товаров, а планомерное снабжение населения соответствующими товарами с целью максимального удовлетворения его потребностей. Для этого установлены конкретные задачи [7]. То же самое, в сущности, следует сказать и обо всех других видах обслуживания. Указанное положение должно лечь в основу законодательной регламентации данных отношений [8, с. 41].

Общественные отношения, составляющие объект правового регулирования, с развитием общества приобретают все более сложные формы. Отношения по обслуживанию в настоящее время представляют собой сложный комплекс, включающий управление системой обслуживания, создание и использование материально-технической базы и обеспечение ее сохранности, оказание услуг населению. Несмотря на то, что все названные отношения разнородны по своей природе, они неразрывно связаны между собой тем, что в конечном счете направлены на удовлетворение потребностей населения.

В литературе подчеркивается необходимость издания комплексных актов для регулирования многих сложных групп общественных отношений. Так, предлагается разработать комплексный закон о науке и технике, кодифицированные акты о снабжении и сбыте, о капитальном строительстве и др. [9, с. 10]. Следует отметить, что в практике этот процесс расширяется. Комплексное регулирование общественных отношений в большинстве случаев должно дать большую эффективность по сравнению с чисто отраслевым, комплексные акты способны лучше обеспечить правовое обслуживание, выполнение задач, намеченных XXVI съездом КПСС на XI пятилетку и на период до 1990 года. Несомненно, в комплексных актах целенаправленно обеспечивается воздействие на общественные отношения разными методами, обеспечивается большое единство в регулировании, исключаются противоречия [10, с. 38].

В связи с изложенным возникает вопрос, как в настоящее время регулируются отношения по обслуживанию населения и в какой мере устанавливаются и охраняются права граждан в этих отношениях. Не ставя цели в рамках данной статьи определить круг отношений, являющихся отношениями обслуживания населения, исходим из сложившихся на практике видов обслуживания населения, подвергающихся гражданско-правовому регулированию.

Ими являются: розничная торговля и общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, транспорт и связь, услуги кредитных учреждений и органов государственного страхования [II, с. 56]. Соответственно хозяйственная деятельность в сфере обслуживания опосредствуется договорами жилищно-коммунального обслуживания, договорами торгового обслуживания, договорами бытового обслуживания, договорами кредитного обслуживания и государственного страхования. Эти многочисленные договоры и их виды устанавливают все необходимые условия договоров, права и обязанности сторон договора, которые исходя из специфики отдельных видов договоров весьма разнообразны. Следует отметить, что наряду со всеми другими расхождениями они неодинаково устанавливают и права граждан, ради оказания услуг которым договоры заключаются. Если ограничиться лишь исследованием самых важных видов обслуживания, то необходимо отметить, что наиболее распространенной разновидностью договоров торгового обслуживания является договор розничной купли-продажи продовольственных и промышленных товаров. Договор розничной купли-продажи в системе всех договоров купли-продажи в сочетании с другими определяющими экономическими факторами, как развитием производства товаров, ростом товарооборота, повышением качества работы способствует успешному решению задач развития социалистического общества.

В Основах и гражданских кодексах союзных республик закреплены лишь общие начала розничной торговли, а подробная регламентация осуществляется с помощью подзаконных нормативных актов. При этом нужно отметить, что возрастание роли торговли в экономике и удовлетворение потребностей, улучшение благосостояния народа, несомненно, влекут за собой расширение сферы правового регулирования. Но в решении современных задач торгового обслуживания и охраны прав покупателя особую значимость приобретает правовая регламентация послереализационных отношений, т.е. при обнаружении покупателем дефектов в купленной вещи, приобретенной в розничном торговом предприятии, обмене этой вещи и т.д. Для договора розничной купли-продажи характерно требование, что торговое предприятие должно передать покупателю товар надлежащего качества [I2, с. 42]. Из этого вытекает, что передача покупателю имущества, несоответствующего условиям о качестве — это ненадлежащее исполнение обязанностей по договору розничной купли-продажи и должно привести за собой определенные пра-

вовые последствия. Эти последствия, обусловленные продажей некачественных товаров по договору розничной купли-продажи, определены ст. 41 Основ (ст. 251 ГК ЭССР), если товар продается с гарантией без срока, и ст. 42 Основ (ст. 253 ГК ЭССР), если товар продается с гарантией на срок.

За ненадлежащее исполнение договора законом установлены конкретные отрицательные для продавца последствия. Так, ст. 41 Основ и ответственности продавца причисляет замену некачественной вещи, соразмерное уменьшение покупной цены, безвозмездное устранение недостатков, возмещение расходов покупателя на устранение недостатков, расторжение договора с возмещением убытков. Названные последствия ненадлежащего исполнения договора купли-продажи общего типа должны логично действовать и относительно розничной купли-продажи, и все нормативные акты, регулирующие отношения розничной купли-продажи, должны устанавливать лишь порядок осуществления этих прав покупателя. На самом деле получается все иначе. Одним основным актом, содержащим дополнительные детализирующие нормы, являются, например, Типовые правила обмена и принятые на их основе Правила в союзных республиках [13]. К сожалению, Правила не ограничиваются установлением порядка осуществления вышеупомянутых прав покупателя, а устанавливают новые права покупателя, существенно ограничивая его по сравнению с гражданским законодательством о купле-продаже. Так, в Правилах отсутствуют такие права покупателя, как право требовать соразмерного снижения цены, право на устранение недостатков самим покупателем с последующим возмещением ему расходов и на возмещение убытков покупателя при расторжении договора розничной купли-продажи. Такое положение привело к тому, что некоторые авторы признают Правила обмена в этой части не соответствующими закону и предлагают не руководствоваться ими при разрешении споров в судах [14, с. 15]. Некоторые авторы, напротив, считают такое ограничение целесообразным [15, с. 137].

Согласно Правилам обмена покупатель, которому проданы товары с гарантией без срока (одежда, ткани, меха, белье, женские сумки, посуда и т.д.), может обратиться в магазин по месту покупки с требованием обменять товар на доброкачественный, либо возратить ему денежную сумму, уплаченную им при покупке. Для осуществления названных прав установлен твердый порядок - покупатель должен обращаться в магазин по месту покупки в течение 14 дней (не считая дня покупки), а

при обнаружении в купленной вещи скрытых недостатков он может предъявить требование в магазин в течение 6 месяцев со дня покупки. При этом покупатель должен доказать место и время покупки товара посредством предъявления кассового или товарного чека и самого товара с фабричным ярлыком. Если товар продается без указанного оформления, то вопрос об удовлетворении требования покупателя решается администрацией магазина.

Таким образом, право покупателя обменять товар на доброкачественный блокировано довольно многими ограничивающими условиями, а именно: наличие доброкачественного товара в магазине, обмен возможен лишь в магазине по месту покупки, обмен возможен в течение 14 дней, для обмена товара покупатель должен сохранить кассовый или товарный чек и фабричный ярлык. В момент покупки товара из магазина розничной торговли вряд ли покупатель имеет в виду планы обмена приобретенного, нужного ему товара и предвидит необходимость сохранения кассовых и товарных чеков, фабричных ярлыков товаров. Практически покупателю не поможет даже наличие такой "коллекции" документов, если некачественный товар не куплен по месту жительства покупателя или же такой товар отсутствует в продаже.

В результате такого регулирования отношения по розничной торговле создается своеобразное положение. Законом устанавливается, что вещь, продаваемая торговой организацией, должна соответствовать государственному стандарту, техническим условиям или образцам, установленным для вещей данного рода (ч. 2 ст. 250 ГК ЭССР), иными словами, торговая организация запрещено продавать товары ненадлежащего качества. Но если вопреки запрету закона покупателю все-таки продается некачественный товар, то права покупателя, определенные в ч. 1 ст. 251 ГК ЭССР, тоже не действуют. Получается, что вместо определения порядка осуществления законных прав лица, купившего вещь в розничном торговом предприятии, Правила обмена практически отменяли права покупателя, предусмотренные в ст. 251 ГК в случае продажи ему вещи ненадлежащего качества. Трудно в таком случае понять охрану прав граждан в договоре розничной купли-продажи. Вследствие этого покупатель часто не может пользоваться приобретенным некачественным предметом или же он вынужден за свой счет устранять недостатки предмета, если это технически осуществимо. Нетрудно понять, в чьих интересах приняты такие Правила обмена, по

предписаниям которых обмен часто не производится. Из этого вытекает лишь один вывод — Правила обмена должны на самом деле предусматривать лишь порядок осуществления прав, установленных для покупателя в случае продажи ему вещей ненадлежащего качества, конечно, при условии, если эти вещи приобретены в розничном торговом предприятии. Таким образом, в Правилах обмена должны быть уточнены условия замены вещей, соразмерного уменьшения покупной цены, порядок устранения недостатков вещи продавцом или же возмещения расходов покупателя на их исправление, порядок расторжения договора и возмещения покупателю убытков. Только при наличии такого содержания Правила обмена в силе охранять права граждан в договорных отношениях по розничной купле-продаже. В противном случае возникает вопрос о том, что Правилами обмена вместо регулирования порядка осуществления прав покупателей пытаются ликвидировать права, предусмотренные гражданским законодательством для покупателя в случае продажи ему вещи ненадлежащего качества. Таким образом получается, что за отрицательные последствия двукратного виновного поведения организации розничной торговли расплачивается покупатель. Во-первых, в создавшейся ситуации организации торговли принимали некачественные товары от своих поставщиков и, во-вторых, они продали их покупателям, что тоже рассматривается как нарушение требований законодательства. Практически это ведет к тому, что права покупателя, купившего определенные вещи из магазина розничной торговли, не охраняются, а права покупателя, купившего такие же вещи, скажем, от гражданина, охраняются в полном объеме, и он имеет возможность пользоваться всеми последствиями, установленными в ст. 251 ГК ЭССР за продажу вещей ненадлежащего качества. Несомненно, следует устранить подобные нелогичные отклонения и противоречия в законодательстве. Права граждан, купивших по вине торговых организаций некачественные товары, должны быть во всех законодательных актах одинаковыми и охраняться в полном объеме. Определенные последствия установлены гражданским законодательством для тех случаев, когда покупателю продаются некачественные вещи с предусмотренными сроками. Так, продавец обязан обеспечить безвозмездное устранение недостатков вещей, либо заменить ее вещь надлежащего качества, либо принять ее обратно с возвратом покупателю уплаченной за нее суммы, если не докажет, что недостатки возникли вследствие нарушения покупателем правил пользования вещью или ее хранения (ч. 2 ст. 253 ГК ЭССР).

Таким образом устанавливается три варианта последствий продажи некачественных товаров. Последний из них, т.е. принятие предмета обратно с возвратом покупателю уплаченной суммы уже в принципе неприемлем, поскольку он не служит ни интересам покупателя, ни интересам торговли и не даст ничего полезного и для промышленности. Зато остальные последствия, т.е. безвозмездное устранение недостатков вещей и замена их вещами надлежащего качества, полностью служат интересам покупателя и заслуживают точного законодательного регулирования. Но нужно отметить, что по закону требование ремонта дефектной вещи — одно из правомочий покупателя, но в Правилах обмена это рассматривается как предпосылка и один из элементов осуществления другого правомочия — обмена вещь надлежащего качества. Так, по общему правилу, вначале обязателен ремонт и только при невозможности исправления или после ремонта возможен обмен. В литературе правильно признается это недопустимой корректировкой подзаконным актом закона. На ее основе под видом установления порядка осуществления прав покупателя ограничивается его право выбора требований, предусмотренных в ст. 41 и 42 Основ [16, с. 94].

Гражданин покупает нужную ему вещь, чтобы пользоваться ею постоянно или при необходимости. Поэтому всякий ремонт, в том числе и гарантийный — не в интересах покупателя. При обнаружении в приобретенной вещи недостатков больше всего соответствует интересам покупателя возможность замены ее вещь надлежащего качества. Но такое право покупателя, предусмотренное гражданским кодексом (ч. 2 ст. 253 ГК ЭССР), нереализуемо вследствие действующей системы гарантийного ремонта. Правила обмена устанавливают требование проведения гарантийного ремонта и только после этого при определенных условиях станет возможным обмен некачественной вещи на качественную.

При этом Правила обмена устанавливают детально разработанную систему гарантийного ремонта. Так, Правилами устанавливается обязательное число ремонтов в зависимости от вида ремонта и рода изделия. В результате этого некачественные вещи иногда проходят неоднократные гарантийные ремонты, и собственник длительное время не может пользоваться своей вещью, пока, наконец, ему не предоставят права на обмен данной вещи на качественную. Вследствие этого установленная система гарантийного ремонта никак не служит интересам покупателя, которому был продан некачественный товар. В таком по-

рядке может быть заинтересован лишь изготовитель некачественной продукции. Для того чтобы гарантийный ремонт служил в какой-то мере средством охраны интересов покупателей, он может производиться лишь при условии, что на самом деле возможно полностью восстановить работоспособность, надежность и полноценность изделия и для отремонтирования его налицо необходимые условия. Под этим следует понимать возможность проведения гарантийного ремонта в кратчайший срок, наличие всех необходимых запасных частей, соответствующей ремонтно-технической базы, нужных специалистов и т.д. При отсутствии такого рода условий проведения гарантийного ремонта необходимо отказаться от него и обменять некачественную вещь на качественную. Недопустимо положение, при котором вещи месяцами стоят в гарантийном ремонте, а покупателям не дают взамен качественных вещей. Это представляет собой нарушение прав граждан и явное несоблюдение принципов договора купли-продажи и интересов покупателей в интересах изготовителей некачественной продукции. Что касается требования произведения нескольких гарантийных ремонтов, установленного Правилами обмена для некоторых видов изделий, то о таком требовании даже речи быть не может. Только один гарантийный ремонт независимо от его технической сложности может в какой-то мере соответствовать интересам сторон в договоре и народного хозяйства в целом, если не учитывать той истины, что самый эффективный результат может дать ремонт, проведенный изготовителем на высоком техническом уровне. Необходимость нескольких гарантийных ремонтов в течение периода сравнительно непродолжительного гарантийного срока свидетельствует только о практической невозможности восстановить работоспособность и надежность данного предмета. Изготовитель некачественной продукции должен учитывать, что обнаружение только одного недостатка и быстрая его ликвидация позволит ему предотвратить возвращение изделия. В противном случае созданная система гарантийного ремонта превратится в средство довольно эффективной защиты интересов предприятий, выпускающих некачественную и ненадежную продукцию, так как эти товары реализуются, и покупатели практически финансируют изготовителей брака. Так, многочисленные данные периодической печати указывают на то, что сотни и тысячи цветных телевизоров стоят в ожидании ремонта и на протяжении нескольких месяцев покупатели не могут добиться гарантийного ремонта своих дорогостоящих аппаратов [17]. Было бы логично установить в законодательном порядке правило, согласно кото-

рому покупателю немедленно выдается справка на обмен, если мастерская гарантийного ремонта или изготовитель независимо от причин не произведут гарантийного ремонта в установленные сроки или предмет нуждается в повторном ремонте. Только при таком условии гарантийный ремонт может стать способом охраны прав покупателей и оправдывает себя перед населением.

Среди последствий за продажу некачественной продукции мы подчеркиваем обязанность продавца заменить ее вещь надлежащего качества. Кажется, что это должно быть основным среди последствий, установленных законом за продажу покупателям некачественных товаров. При обнаружении недостатков у купленного предмета покупатель должен иметь право требовать замены его качественным предметом. Безвозмездное устранение недостатков вещи или отдача вещи обратно с возвратом уплаченной за нее суммы можно осуществлять лишь по требованию покупателя.

Отметим, что при использовании покупателем своего права требовать обмена некачественного товара возникают в свою очередь определенные трудности. По Правилам обмена покупателю предоставляется право обменять некачественный товар на товар той же марки (артикула), либо на такое же изделие другой марки. Если такой товар в продаже имеется, то обмен действительно состоится. Но если в магазине в момент возврата некачественного предмета отсутствуют необходимые изделия для обмена, то покупатель имеет право получить денежную сумму за возвращенный магазину товар, либо требовать выдачи ему соответствующей квитанции и произвести обмен при поступлении в магазин соответствующего товара. Такой порядок представляется в определенном смысле нелогичным и безо всякой причины ограничивает права покупателя. Дело в том, что покупатель, сдавая товар в магазин, может требовать обмена или возвращения денег, а требовать обмена некачественного товара на любой другой товар, имеющийся здесь в продаже, не может. В интересах чего или кого устанавливалось такое ограничение прав покупателя? Покупатель, требуя возврата денег, может свободно за полученные деньги приобрести в том же магазине и в тот же момент любой товар, а обменять некачественный товар по своему выбору на любой другой товар не может. Кажется, что уже пора исключить из Правил обмена такой нелогичный и нежизненный пункт и поддержать сформулированный в литературе пункт: "Покупатель имеет право обменять некачественный товар по своему выбору на любой другой товар,

имеющийся в продаже, с перерасчетом денежной суммы" [16, с. 97].

В рамках статьи невозможно дать полный анализ прав покупателей в договорных отношениях по купле-продаже. Однако на основе вышесказанного можно прийти к выводу, что права граждан не охраняются на требуемом уровне. Так, подзаконные акты, в частности Правила обмена, явно ограничивают права граждан по сравнению с гражданским законодательством. Ясно, что такие ограничения необходимо устранить и все законодательство привести в такое состояние, при котором начиная с закона и кончая подзаконными актами точно сформулированы все права граждан. Это служит необходимой предпосылкой и для охраны прав граждан.

Граждане вступают в договорные отношения с социалистическими организациями для удовлетворения своих материальных и культурных потребностей. Среди них особое значение имеют договоры с предприятиями бытового обслуживания. В них права граждан устанавливаются нормами гражданского законодательства и многочисленными подзаконными актами, регулирующими отношения по бытовому обслуживанию населения. При этом особое значение имеют "Единые правила обслуживания" [18], принятые взамен многочисленных правил обслуживания, неодинаково регулирующих многие вопросы, имеющие существенное значение для интересов заказчика, в том числе и вопросы ответственности организации обслуживания перед заказчиком. Ясно, что конкретные задачи, выдвинутые "Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981-1985 годы и на период до 1990 года" для улучшения бытового обслуживания населения, и требование повысить качество выполнения заказов и культуры обслуживания должны получить конкретное отражение в законодательстве, регулирующем отношения между заказчиками и предприятиями обслуживания. Кажется, что более конкретно во всех правилах и в предписаниях должны устанавливаться права граждан как при заключении договоров, так и при их исполнении. В интересах охраны прав граждан необходимо, во-первых, чтобы отношения между предприятиями обслуживания и заказчиками были полностью и точно урегулированы и, во-вторых, чтобы права заказчиков защищались надлежащим образом. Если исходить из названных критериев, то следует признать, что с принятием Единых правил обслуживания правовое регулирование стало менее конкретным. Ряд важных вопросов, ранее конкретно урегулированных многими правилами, ос-

тался неурегулированным Едиными правилами. Так, Единые правила, регламентируя сроки выполнения заказов, не устанавливает никаких последствий за нарушения их предприятием. А на практике заказы часто не исполняются в срок, т.е. не соблюдаются сроки, которые самой организацией были установлены. Это очень серьезное нарушение договорной дисциплины и может причинить заказчику иногда большие убытки, а иногда в результате просрочки исполнение утрачивает интерес для заказчика [19, с. 30]. Учитывая факт, что в некоторых ранее действующих правилах и в типовых договорах предусматривались конкретные последствия за просрочку выполнения заказов в виде неустойки, пени и штрафа, Единые правила обслуживания сделали существенный шаг назад в установлении прав заказчиков.

Одна из основных обязанностей предприятия бытового обслуживания по договору - исполнение заказа качественно. Вопрос о качестве услуг стал объектом особого внимания во многих решениях директивных органов [20, с. 592], специально исследовался во многочисленных научных трудах [21], где внеслось немало ценных предложений по совершенствованию как обеспечения качества работ, так и ответственности предприятия обслуживания за некачественное исполнение своих договорных обязательств. Надо отметить, что почти во всех правилах и типовых договорах были установлены в какой-то мере определенные последствия некачественного исполнения заказа. Поэтому крайнее недоумение вызвали Единые правила обслуживания, которые вовсе отказались от регулирования вопросов ответственности сторон и заменили его заключительным разделом под условным названием "Гарантии". Сам текст гласит, что предприятие "гарантирует" соответствие качества выполнения услуг требованиям действующей нормативно-технической документации, сроки эксплуатации (носки) изготовленных и отремонтированных изделий в соответствии с республиканскими стандартами и техническими условиями. Хорошо, если предприятие гарантирует это, что и называется качественным исполнением. А если не гарантирует, и как повседневная практика показывает, часто не гарантирует, что получается тогда? Единые правила на такой вопрос ответа не содержат.

Надо отметить, что Единые правила обслуживания РСФСР и Эстонской ССР стали объектами обоснованной критики в юридической литературе [22, с. 54]. Выше мы убедились, что Едиными правилами остались неурегулированными вопросы о послед-

ствиях за неисполнение заказа в срок и за некачественное исполнение заказа. Но наряду с этими недостатками имеется в Единых правилах ряд пунктов, которые значительно и прямо ограничивают права и законные интересы заказчиков. Так, согласно Единым правилам заказчик вправе аннулировать заказ (т.е. расторгнуть договор бытового заказа) лишь до начала выполнения работы предприятием службы быта. При этом ему возвращаются материал, изделие (вещь), сданные им предприятию, и деньги, полученные от него при оформлении заказа (заключении договора). В силу же ст. 360 ГК РСФСР, ст. 365 ГК ЭССР заказчик вправе отказаться от договора подряда и потребовать возмещения убытков как в том случае, если подрядчик не приступает своевременно к исполнению договора, так и в случае, когда он выполняет работу настолько медленно, что окончание ее к сроку окажется явно невозможным. Те же статьи предоставляют заказчику право отказаться от договора и потребовать возмещения убытков, либо получить исправление работы третьему лицу за счет подрядчика, если во время выполнения работы станет очевидным, что она не будет выполнена надлежащим образом и подрядчик не устранит недостатки. Кроме того, законом предусмотрено право заказчика при наличии уважительных причин во всякое время до окончания работы отказаться от договора с уплатой подрядчику вознаграждения за выполненную часть работы и возмещения ему убытков, причиненных расторжением договора с зачетом того, что подрядчик сберег вследствие расторжения договора [22, с. 54-55].

Приведенные выше примеры, к сожалению, не являются единственным доказательством факта, что ведомственными актами часто ограничиваются права граждан, устанавливаются положения, противоречащие закону, постановлениям правительства. Отмеченный недостаток характерен для регулирования отношений между предприятиями обслуживания и заказчиками уже в течение десятилетий. Но основной недостаток заключается в том, что подобное явление получает все больший размах, и Единые правила обслуживания отказались во многом от защиты интересов заказчиков.

Необходимость приведения подзаконных актов в соответствие с законом не вызывает сомнений, но, к сожалению, до сих пор практически это не сделано. Не являются выходом из создавшегося положения и разъяснения Верховного Суда. Разъяснение постановления Верховного Суда РСФСР о том, что если отдельные правила, содержащиеся в ведомственных нормативных ак-

тах, противоречат закону, суду необходимо руководствоваться законом. Не все споры между предприятиями обслуживания и заказчиками попадают в суд, абсолютное большинство из них разрешается непосредственно сторонами договора и практически на основе правил обслуживания, в которых, как мы убедились, законные права граждан точно не отражаются. Поэтому необходимо все правила и предписания привести в соответствие с законом. Для этого надо провести в жизнь положение Основ гражданского законодательства о том, чтобы типовые договоры бытового обслуживания утверждались советами министров союзных республик. Это требование целесообразно расширить на все основные правила, регулирующие отношения заказчиков, в том числе, конечно, и Единые правила обслуживания.

В связи с созданием в системе обслуживания производственных управлений и специализированных объединений обслуживания непосредственный исполнитель заказа и заказчик отдаются друг от друга, и прямые контакты между ними невозможны. Такое положение предполагает порядок, по которому точно урегулированы отношения между предприятиями обслуживания, с одной стороны, и отношения между приемщиками заказов и заказчиком, с другой. Это требует уточнения прав и обязанностей сторон договора в процессе приема и выдачи заказов, выполняемых в порядке внутрисистемного кооперирования специализированными объединениями и предприятиями системы обслуживания и другими государственными и кооперативными организациями, а также в ходе выполнения заказа, установления конкретных технических условий для определения качества работ. Иначе могут возникнуть споры и разногласия между сторонами договора.

Граждане вступают и во многие другие договорные отношения для удовлетворения своих материальных и культурных потребностей. При этом в "Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981-1985 годы и на период до 1990 года" поставлены конкретные задачи по улучшению бытового обслуживания, развитию государственного личного и имущественного страхования граждан, по улучшению жилищных условий, народного образования и т.д. Из этого вытекают задачи улучшения правового регулирования отношений, возникающих из договоров, заключенных между гражданами и соответствующими предприятиями. Договорные отношения с участием граждан регулируются часто многими ведомственными нормативными актами. В рамках данной статьи рассматривается лишь ре-

гулирование отношений по обмену некачественных товаров и по оказанию бытовых услуг. Но надо отметить, что охрана прав граждан имеет важное значение во всех договорных отношениях. Поэтому в пересмотре нуждаются все ведомственные нормативные акты, которые не отражают прав и законных интересов граждан или же оказываются в противоречии друг с другом. Обычно это происходит тогда, когда нормативные акты выдаются различными органами, имеющими в виду только свои ведомственные интересы и забывающими тот принцип, что они выдаются в интересах населения, для его обслуживания. Названный принцип должен быть основным при установлении и охране прав граждан во всех договорных отношениях в развитом социалистическом обществе.

Литература

1. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1982; 0 серьезных недостатках в режиме работы предприятий, организаций и учреждений, занятых обслуживанием населения: Постановление Совета Министров СССР от 17 января 1983 г. № 52 - СП СССР, 1983, № 5, ст. 24; 0 дальнейшем развитии и улучшении бытового обслуживания населения: Излож. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 марта 1983 г. № 235 - СП СССР, 1983, № 8; 0 дополнительных мерах по улучшению обеспечения населения товарами народного потребления в 1983-1985 годах: Излож. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 апреля 1983 г. № 393. - СП СССР, 1983, № 13.
2. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова. - Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14-15 июня 1983 г. Таллин, 1983.
3. Конституция СССР: Политико-правовые комментарии. М., 1982.
4. Халфина Р.О. Актуальные проблемы теории гражданского права. - В кн.: XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М., 1982.
5. Мозолин В.П. Формирование гражданского права развитого социализма. - В кн.: XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М., 1982.
6. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1982.

7. О дополнительных мерах по улучшению обеспечения населения товарами народного потребления в 1983-1985 годах. Излож. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 апреля 1983 г. № 393. - СП СССР, 1983, № 13.
8. Суханов Е.А. О предмете советского гражданского права. - В кн.: XXVI съезд КПСС и проблемы теории гражданского и трудового права, гражданского процесса. М., 1982.
9. Халфина Р.О. Право и реализация основных направлений экономического и социального развития. - Советское государство и право, 1981, № 4.
10. Корнеев С.М. О некоторых тенденциях развития гражданско-правового регулирования общественных отношений. - В кн.: XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М., 1982.
11. Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовой договор в сфере обслуживания. М., 1980.
12. Кабалкин А.Ю. Гражданский закон об услугах населению. М., 1980.
13. Правила обмена промышленных товаров, купленных в розничной торговой сети государственной и кооперативной торговли. Утверждены постановлением Совета Министров Эстонской ССР от 24 апреля 1974 г. - ВВСП ЭССР, 1974, № 21, ст. 184; ВВСП ЭССР, 1978, № 24, ст. 300.
14. Боннер А. Применение судами ведомственных нормативных актов при рассмотрении гражданских дел. - Советская юстиция, 1975, № 15.
15. Замятина К.Г. Договор розничной купли-продажи в кредит. - Учен. зап./Пермский ун-т, 1963, вып. 105. Юридические науки.
16. Гальперин Л.Б., Деревянко Г.Ф. Качество товаров в обязательствах купли-продажи. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982.
17. Чем болеет телевизор? Неделя, 1979, № 36.
18. Единые правила обслуживания. Утверждены приказом министра обслуживания Эстонской ССР от 9 июня 1980 г. - Советское право, 1981, № 5.
19. Плоом Э.Л. Вопросы исполнения договоров бытового обслуживания. - В кн.: Проблемы совершенствования правового регулирования народного хозяйства. Тарту, 1978.

(Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 452. Труды по правоведению).

20. См.: Постановление ЦК КПСС от 21 января 1977 г. О работе Министерства бытового обслуживания населения РСФСР по улучшению качества выполнения заказов и повышению культуры обслуживания трудящихся. - Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1977, т. II.
21. Тархов В.А. Материальная ответственность предприятий бытового обслуживания перед заказчиком. - В кн.: Бытовое обслуживание населения, правовые вопросы. М., 1968; Баринюв Н.А. Ответственность сторон по договору бытового заказа. - Советская юстиция, 1970, № 14; Плоом Э.Д. Об ответственности предприятия бытового обслуживания за качество выполненных работ. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, 1972, вып. 298. Труды по правоведению.
22. Кабалкин А.Д. Усиление гарантий прав граждан в сфере обслуживания. - В кн.: XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М., 1982.

ПРАВООТНОШЕНИЕ ПО ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

П.А. Варул

Для настоящего периода развитого социализма в нашей стране, сущность которого наглядно выражена в Конституции СССР 1977 года, характерен в связи с широким развитием демократии рост роли каждого отдельного человека и коллектива в решении задач, стоящих перед обществом. Ярким примером этому служит закон о трудовых коллективах, принятый в июне 1983 г. [30]. Это в свою очередь предполагает более точное определение обоюдных обязанностей членов общества и их коллективов, а также более строгий контроль и ответственность за их выполнение. В последнее время вопрос о дисциплине и ответственности постоянно находится в центре внимания директивных органов, о чем в первую очередь свидетельствуют материалы последних пленумов ЦК КПСС. При обсуждении в 1982 г. на ноябрьском и в 1983 г. на июньском Пленумах ЦК КПСС важнейших вопросов, стоящих перед нашим обществом в области экономики и идеологии, неоднократно подчеркивалась необходимость усиления порядка как в хозяйстве, так и в других сферах общественной жизни. В связи с этим особо отмечалось требование "... усилить ответственность за соблюдение общегосударственных, общенародных интересов ..." [26, с. 9]. Особое значение имеет ответственность за руководство экономикой с точки зрения стабильности и корректности отношений между социалистическими хозяйственными организациями. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС было прямо сказано, что "... в строгом соблюдении договорных обязательств по поставкам продукции заключается значительный резерв подъема экономики." [27, с. 36].

Среди правовых мер по обеспечению надлежащего исполнения договорных обязательств важное место занимает мера гражданско-правовой ответственности. Необходимо, чтобы они были оптимальными и эффективно применялись. Целью данной статьи является рассмотрение некоторых проблем, связанных с формой применения мер гражданско-правовой ответственности, прежде всего с применением мер договорной ответственности. При этом исходим из положения, что оба вида гражданско-правовой ответственности (внедоговорная и договорная ответственность)

реализуются только через особые гражданские правоотношения — через охранительные правоотношения, которые мы именуем правоотношениями по гражданско-правовой ответственности. Для того чтобы доказать и раскрыть это утверждение, мы сосредоточим свое внимание на следующих вопросах.

Во-первых, определение применяемых исходных понятий — гражданско-правовой ответственности и гражданского правоотношения, ибо оба они являются в определенной степени спорными. При этом мы не ставим перед собой цели анализировать названные понятия, а лишь излагаем свои соображения по данному вопросу.

Во-вторых, проблема существования самостоятельного особого вида гражданского правоотношения, определение тех признаков, на основании которых можно отличать его от других правоотношений, в том числе и от отдельных видов гражданских правоотношений. Данная проблема и взята за основу настоящей статьи.

В-третьих, соотношение правоотношения по гражданско-правовой ответственности и гражданско-процессуального правоотношения.

В-четвертых, соотношение правоотношения по гражданско-правовой ответственности и таких тесно связанных с ним понятий как принуждение и санкция в гражданском праве.

1. При определении понятия гражданско-правовой ответственности мы исходим из того, что сущностью ее, как и любого вида юридической ответственности, является осуждение поведения правонарушителя.* Содержанием гражданско-правовой ответственности, через которое ее сущность проявляется, служат конкретные меры ответственности, выражающиеся либо в лишении определенного субъективного права правонарушителя, либо в наложении на него дополнительной юридической обязанности. Данные меры содержатся в определенных гражданско-правовых санкциях (см. например ст. ст. 52, 191, 213 ГК ЭССР и др). Необходимо иметь в виду, что названное осуждение имеет по крайней мере два аспекта. Во-первых. Осуждение поведения правонарушителя со стороны законодателя. Здесь речь идет об осуждении как об определенной внешней оценке поведения правонарушителя, которая материализуется в конкретных мерах ответственности. Во-вторых. Состояние осуждаемого правонару-

---

* Наши соображения по определению понятия юридической ответственности даны в отдельной статье (28, с. 88-100).

шителя, его обязанность нести ответственность. Это состояние выражается в должном поведении правонарушителя при применении в отношении него мер ответственности.

С нашей точки зрения более значителен первый аспект, так как второй выступает лишь как его результат.

Итак, в дальнейшем изложении гражданско-правовая ответственность понимается нами как заключающаяся либо в лишении определенного субъективного права, либо в наложении дополнительной юридической обязанности осуждения со стороны законодателя относительно субъектов, поведение которых не соответствует требованиям гражданско-правовых норм. Данное определение не может, конечно, претендовать на совершенство, а служит лишь "рабочим инструментом" для последующих рассуждений.

Обязательным условием гражданско-правовой ответственности по вышеизложенному определению является наличие вины правонарушителя. Поэтому применяемые в гражданском праве меры за безвиновное действие было бы целесообразно обозначить иным термином. Например, как "меры защиты", которые в свою очередь делятся на несколько видов [4, с. II; 5, с. 55-58]. Меры ответственности и меры защиты вместе взятые могут быть обозначены термином "охранительные меры гражданского права".

В связи с этим при дальнейшем рассмотрении мы исходим из следующей терминологии.

Охранительные меры гражданского права - это меры охраны гражданско-правового характера, которые могут быть применены в случае нарушения норм гражданского права и субъективных гражданских прав независимо от того, виновно поведение нарушителя или нет. Меры гражданско-правовой ответственности - это охранительные меры, которые применяются против тех, поведение которых является виновным нарушением гражданского права и которые влекут за собой либо дополнительную обязанность, либо лишение определенного субъективного права нарушителя. Меры защиты в гражданском праве - это такие охранительные меры, применение которых не предполагает наличия вины и которые могут выражаться как в виде дополнительных обязанностей и лишений определенных субъективных прав, так и в возможности применения иных средств.

Иногда гражданско-правовая ответственность отождествляется с гражданско-правовыми санкциями или их применением [24, с. 35-37; 18, с. 28; 25, с. 515 и др.], иногда же ответственность рассматривается лишь как средство осуществле-

ния принуждения [14, с. 4 и сл.].

В такого рода воззрениях не принимается во внимание различие упомянутых охранительных мер в гражданском праве и тем самым неизбежно слишком расширяется и понятие гражданско-правовой ответственности. Данный подход не позволяет дифференцировать такие явления как ответственность, принуждение и санкция. К тому же столь широкая трактовка ответственности обедняет ее содержание и не раскрывает ее специфики. Вопросы разграничения ответственности, принуждения и санкции будут затронуты несколько ниже в связи с применением мер гражданско-правовой ответственности через гражданские правоотношения. Таким образом, дальнейший анализ правоотношений по гражданско-правовой ответственности служит в какой-то мере и целям обоснования нашей трактовки понятия самой гражданско-правовой ответственности.

Изучение правоотношений по гражданско-правовой ответственности предполагает достаточно точное разграничение мер гражданско-правовой ответственности от других охранительных мер гражданского права - от мер защиты. Что мы и попытались сделать на основании вышеизложенного. В противном случае следовало бы говорить лишь об охранительных отношениях, как это нередко и делается.

При определении понятия гражданского правоотношения можно отметить существование по крайней мере двух точек зрения на этот вопрос. Во-первых. Гражданское правоотношение определяется как общественное отношение, урегулированное нормами гражданского права [6, с. 70]. Во-вторых. Гражданское правоотношение трактуется как особое идеологическое отношение, при помощи которого регулируются общественные отношения, на которые воздействуют нормы гражданского права. Гражданское правоотношение в таком случае представляет собой определенную систему взаимных прав и обязанностей субъектов особого идеологического общественного отношения [7, с. 22; 8, с. 7]. Мы исходим из того положения, что указанные точки зрения отражают два аспекта одного и того же явления. Когда речь идет о содержании и сущности гражданского правоотношения, то последнее рассматривается как взаимосвязь субъективных прав и юридических обязанностей субъектов гражданского правоотношения, как т.н. особое идеологическое отношение. Когда же мы хотим указать на место гражданского правоотношения в механизме гражданско-правового регулирования, на первый план выдвигается его качество в виде формы регулируемых фактических от-

ношений. Таким образом, при определении какого-либо гражданского правоотношения необходимо характеризовать это отношение по крайней мере с двух аспектов. Во-первых. Следует указать, в чем заключаются права и обязанности субъектов, то есть, что представляет собой данное отношение по существу, являются ли эти права и обязанности столь самостоятельными, что данное правоотношение может быть выделено как самостоятельное из общей совокупности правоотношений. Во-вторых. Следует указать, на какое поведение направлены данные права и обязанности. Гражданским правоотношениям как идеологическим должны соответствовать определенные конкретные фактические материальные отношения в самом обществе, которые в конечном счете являются определяющими для всего механизма гражданско-правового регулирования. Отсутствие последних лишает нас оснований говорить о некоем самостоятельно существующем гражданском правоотношении.

Вопрос о существовании правоотношения по гражданско-правовой ответственности может быть решен путем исследований этих двух аспектов, имея, разумеется, в виду и определение самой гражданско-правовой ответственности.

2. В последнее время все больше распространяется мнение, согласно которому гражданско-правовая ответственность реализуется через возникновение особых правоотношений, т.н. охранительных правоотношений [9, с. 103-108; 10, с. 20; 11, с. 8-10; 12, с. 20 и др.].

Как отмечается в литературе, охранительное правоотношение по применению мер гражданско-правовой ответственности представляет собой такую правовую связь, в которой участвует, как правило, потерпевший в качестве управомоченного субъекта, а в качестве обязанного субъекта - правонарушитель. Содержание этого правоотношения составляет право потерпевшего требовать соответствующего имущественного возмещения и обязанности правонарушителя предоставить это возмещение [10, с. 20].

Относительно внедоговорной ответственности нет сомнения, что возникшее в случае наступления гражданско-правовой ответственности правоотношение является в то же время и формой применения меры ответственности [29, с. 397-398]. Содержание охранительного правоотношения в данном случае совпадает с содержанием обязательства, возникающего из причинения вреда. Поскольку в договорных обязательствах уже налицо правоотношение, обладающее определенным содержанием, то справедливо воз-

никает вопрос, рождается ли при правонарушении еще дополнительное правоотношение, т.е. охранительное правоотношение, через которое применяется договорная ответственность или же это происходит в рамках уже существующих прав и обязанностей сторон договора? По мнению В.А. Тархова, новое правоотношение порождается фактом правонарушения только при условии, если ответственность не предусмотрена уже в существующем между сторонами правоотношении, возникшем ранее из правомерных действий или событий [13, с. 37-38]. Следовательно, договорная ответственность, как правило, наступает только в рамках нарушенного обязательства и дополнительного правоотношения не возникает. Такого вывода придерживается ряд авторов. Некоторые из них вообще отрицают возможность существования охранительных правоотношений [14, с. 104 и сл.].

На наш взгляд, применению мер ответственности всегда сопутствуют новые субъективные права и обязанности. Точнее, они возникают уже с момента правонарушения. Применение мер ответственности означает лишь осуществление этих субъективных прав и обязанностей. Но возникает вопрос, представляют ли они из себя новое правоотношение (дополнительное обязательство) или же они применяются только в рамках ранее существовавшего договорного отношения (основного обязательства) в качестве потенциальных прав и обязанностей, возникновение которых предусматривается заключением договора? Ответ, на наш взгляд, содержится в одном из приведенных нами возможных подходов к вопросу о понятии гражданского правоотношения. Так как каждое гражданское правоотношение представляет собой единство взаимных прав и обязанностей субъектов, то новое самостоятельное правоотношение возникает только тогда, когда соответствующие права и обязанности качественно отличаются от ранее существующих. Возникающие при договорной ответственности вследствие правонарушения субъективные права и юридические обязанности по своему характеру совершенно отличаются от тех прав и обязанностей, которые являются содержанием нарушенного правоотношения. Следовательно, возникают субъективные права и обязанности, обладающие новым качеством и, таким образом, возникает и новое самостоятельное правоотношение, дополнительное обязательство. Так как это новое правоотношение направлено на защиту нарушенного обязательства, то его можно назвать охранительным правоотношением.

Если исходить из того положения, что каждое правоотно-

шение выступает одновременно и формой какого-то регулируемого общественного отношения, содержанием которого является фактическое поведение его субъектов, и при применении мер гражданско-правовой ответственности можно утверждать, что такое фактическое отношение существует. Оно выражается в соответствующем поведении правонарушителя и потерпевшего и заключается чаще всего во взыскании штрафа и убытков, а также в их уплате. Право потерпевшего и обязанность правонарушителя на такие деяния выражают юридическую форму этого фактического отношения. Охранительное правоотношение является лишь формой реализации ответственности, но не самой ответственностью, хотя в литературе и отстаивалась порой противоположная точка зрения.

Через охранительные отношения могут быть применены в определенных случаях и меры защиты. Решающим при решении вопроса о наличии или отсутствии охранительных правоотношений является здесь то, возникают ли в случае правонарушения новые субъективные права и обязанности по сравнению с ранее существовавшими или нет. С применением мер ответственности они возникают всегда и, следовательно, ответственность всегда реализуется через охранительные правоотношения. При применении мер защиты, на наш взгляд, не во всех случаях возникают новые права и обязанности и при отсутствии новых прав и обязанностей нет и охранительных правоотношений. В итоге можно сказать, что правоотношение по гражданско-правовой ответственности — это определенный вид охранительного правоотношения, возникший на основе гражданского правонарушения, через который реализуется содержание ответственности в виде лишения субъективных прав или наложения дополнительных обязанностей. Понятие "правоотношение по гражданско-правовой ответственности" служит основанием отличия данных правоотношений от остальных гражданских охранительных правоотношений. Оно служит способом уточнения вида охранительных правоотношений, ибо "охранительное правоотношение" является общим понятием, через которое применяются как меры ответственности, так и определенные виды мер защиты.

3. Охранительное правоотношение необходимо отличать от гражданско-процессуальных правоотношений. Иногда в литературе это различие, однако, не проводится [16, с. 49-50; 17, с. 105-103]. Охранительное правоотношение является промежуточным звеном между нарушаемым материальным и процессуальным правоотношением. Охранительное правоотношение возникает с

момента правонарушения и субъектами его выступают правонарушитель и потерпевший. Процессуальное же правоотношение возникает только при обращении к компетентному органу, который и считается одним субъектом этих отношений. Не редки случаи, когда меры гражданско-правовой ответственности проводятся субъектами в рамках правоотношения по гражданско-правовой ответственности добровольно, без вмешательства компетентных органов. Здесь нет оснований говорить о процессуальных отношениях — их просто не возникает. Когда субъект все же обратится к компетентному органу и возникают процессуальные правоотношения, то они существуют параллельно с охранительными правоотношениями. Мы придерживаемся точки зрения П.Ф.Елисейкина, согласно которой защита нарушенных прав осуществляется и в этом случае через охранительные правоотношения, но уже в рамках процессуальных отношений [11, с. 10]. Точнее, содержание охранительных правоотношений осуществляется при помощи процессуальных отношений, где выявляется, правомерны ли требования одного субъекта к другим и какими должны быть обязанности другого субъекта, и вместе с тем обеспечивается их осуществление при помощи силы принуждения или угрозы.

4. Анализ правоотношения по гражданско-правовой ответственности предполагает и выяснение его взаимосвязи с такими явлениями как принуждение и санкция в гражданском праве. Это в свою очередь тесно связано с вопросом соотношения самой гражданско-правовой ответственности с названными явлениями. Сюда относятся вопросы о методах обеспечения правоотношения по гражданско-правовой ответственности и вопросы о его нормативной основе.

Принуждение представляет собой одну из форм внешнего воздействия по отношению к определенному лицу. Сущность принуждения состоит в ограничении существующей свободы субъекта. В той мере, в какой лицо принуждают, оно не выступает как действующий субъект [19, с. 180]. Государственное принуждение непосредственно вытекает из нормативного характера права, являясь атрибутом и следствием последнего [14, с. 44]. В то же время принуждение в широком смысле может распространяться и за пределы нормативной регуляции. По отношению к правовой ответственности государственное принуждение является средством обеспечения. В этом плане обоснована точка зрения, согласно которой принуждение не может быть тождественно самой правовой ответственности — оно есть лишь метод претворения мер ответственности в жизнь [20, с. 113; 21, с. 13]. Принуждение

как метод воздействия находится по сравнению с правовой ответственностью на другой плоскости. Правовая ответственность посредством своих мер может реализоваться как в принудительном порядке, так и добровольно, последнее в первую очередь характерно для гражданско-правовой ответственности. Но в то же время существенное значение имеет то, что ее реализация обеспечивается возможностью применения принуждения, вытекающей из сущности самого права. Принуждение же может иметь место и при отсутствии правовой ответственности, при реализации иных правовых мер. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с двумя принципиально различными, хотя тесно взаимосвязанными явлениями. Определением же ответственности через понятие принуждения стирается грань между сущностью ответственности и методами ее реализации.

Понятие санкции в нашей литературе спорно. В рамках данной статьи не представляется возможным специальный анализ этой проблемы. Отметим, однако, что гражданско-правовая санкция понимается нами в смысле последствий, при несоблюдении предписаний, предусмотренных гражданско-правовыми нормами и договорами [4, с. 13]. По внешней форме она в то же время является и элементом логической структуры гражданско-правовой нормы. Если это так, то соотношение гражданско-правовой ответственности и санкции предстает в таком виде: меры ответственности составляют определенный вид санкций, точнее - определенные гражданско-правовые санкции содержат меры ответственности. Понятие санкции шире понятия мер правовой ответственности, так как существуют санкции, не являющиеся мерами ответственности [12, с. 29; 4, с. 11], и поэтому представляется чрезмерно узкой рассмотрение санкций лишь как мер правовой ответственности [22, с. 32-38; 23, с. 53]. Исполнение правовых обязанностей обеспечивается не только мерами ответственности, ибо санкции в правовых нормах содержат и другие средства воздействия. Следовательно, определенная часть гражданско-правовых санкций является нормативной основой как самой ответственности, так и возникающего при реализации данной ответственности правоотношения. Таким образом, гражданско-правовая ответственность не отводится к применению санкции, как это иногда считается, а лишь часть гражданско-правовых санкций содержит меры гражданско-правовой ответственности.

Правоотношение по гражданско-правовой ответственности является формой реализации данной ответственности, а содер-

жанием, охватываемым этой формой, являются вытекающие из соответствующих санкций права и обязанности субъектов, в которых выражается осуждение конкретного правонарушения и правонарушителя. Именно правонарушение служит тем юридическим фактом, в силу которого возникает данный вид охранительного правоотношения. Когда санкция, содержащая меру ответственности, в принципе является определенным общеобязательным предписанием, то каждое охранительное правоотношение состоит уже в конкретной связи с конкретными субъективными правами и обязанностями. Отношение санкции и охранительного правоотношения в гражданском праве аналогично связи гражданско-правовой нормы и гражданского правоотношения. Специфика заключается в том, что содержанием как санкции, так и данного вида охранительного правоотношения являются меры ответственности, т.е. определенное лишение субъективных прав или возложение новых дополнительных обязанностей. В первом случае (в санкции) это содержание находится в потенциальном, общенормативном состоянии, во втором (в охранительных правоотношениях) — уже в динамике, в стадии применения.

Подведем некоторые итоги.

Разграничение различных охранительных мер гражданского права и различие правоотношения по гражданско-правовой ответственности в качестве самостоятельного правоотношения имеет большое практическое значение как в нормотворчестве, так и в осуществлении правоприменительного процесса. Содержание, строгость и направленность гражданско-правовых санкций при правонарушении должны зависеть в первую очередь от того факта, содержат ли данные санкции меру ответственности или меру защиты. Разграничение правоотношения по гражданско-правовой ответственности от других правоотношений позволяет и разграничить применение мер ответственности от осуществления других правовых явлений, что в свою очередь способствует более полной реализации принципа неотвратимости ответственности.

Литература

1. Пастухин О.А. Категория риска в советском гражданском праве. — Учен. тр./Свердл. юрид. ин-т, 1974, вып. 33/Гражданское право и способы его защиты.

2. Савицкая А.И. Функции гражданско-правовой ответственности. - Вести. Львов. ун-та. Сер. юрид., 1978, вып. IV.
3. Пронина М.Г. Обеспечение исполнения норм гражданского права. - Минск: Наука и техника, 1974.
4. Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве. - Учен. тр./Свердл. пр. ин-т, 1973, вып. 27. Проблемы гражданской ответственности и защиты гражданских прав.
5. Шевченко Я.Н. Средства защиты в гражданском праве. - Советское гражданское право, 1977, № 7.
6. Советское гражданское право. 2-е изд. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, ч. I.
7. Толстой В.К. К теории правоотношения. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.
8. Касья П.П. О правоотношении собственности и о субъективном праве собственности. - Учен. зап./Львовский гос. ун-т, 1975, вып. 370. Труды по правоведению.
9. Ананьева Ж. О классификации гражданских правоотношений. - Учен. зап./Львовский гос. ун-т, 1972, вып. 298. Труды по правоведению.
10. Яковлев В.Ф. Отраслевой метод регулирования и особенности гражданско-правовой ответственности. - Учен. тр./Свердл. юрид. ин-т, 1973, вып. 27. Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав.
11. Елисейкин П.Ф. О понятии и месте охранительных отношений в механизме правового регулирования. - В кн.: Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР: Тематический межвузовский сборник. Вып. I. - Ярославль: Б.и., 1975.
12. Шевченко Я.Н. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. - Киев: Наук. думка, 1976.
13. Тархов В.А. Понятие юридической ответственности. - Правоведение, 1973, № 2.
14. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. - М.: Юрид. лит., 1976.
15. Стойкин Г.Я. Понятие защиты гражданских прав. - Учен. тр./Свердл. юрид. ин-т, 1973, вып. 27. Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав.
16. Иванов О.В. О связи материального и гражданского процессуального права. - Правоведение, 1973, № I.

17. Протасов В.Н. К проблеме охранительных правоотношений.
- В кн.: Вопросы советского государства и права в период развитого социализма. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.
18. Гуревич Г.С. Санкции за нарушение планово-договорных обязательств в народном хозяйстве. - Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1976.
19. Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, 1966, вып. 182. Труды по правоведению.
20. Базылев Б.Т. Об институте юридической ответственности.
- - Советское государство и право, 1975, № 1.
21. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.
22. Базылев Б.Т. Сущность санкции в советском праве. - Правоведение, 1976, № 5.
23. Курылев С.В. Санкция как элемент правовой нормы. - Советское государство и право, 1964, № 8.
24. Флейшиц Е.А. Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза СССР и союзных республик. - Советское государство и право, 1962, № 3.
25. Советское гражданское право / Отв. ред. Рясенцев В.А.
- 2-е изд. - М.: Юрид. лит., 1975, т. I.
26. Материалы Пленума ЦК КПСС 22 ноября 1982 года. - М.: Политиздат, 1982.
27. Материалы Пленума ЦК КПСС 14-15 июня 1983 года. - Таллин: Ээсти Раамат, 1983.
28. Варул П.А., Грязин И.Н. Некоторые характеристики правовой ответственности. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, 1982, вып. 609. Труды по философии. Принцип ответственности в социальном управлении.
29. Лаасик Э. Советское гражданское право: Часть особенная. - Таллин: Валгус, 1980.
30. О трудовых коллективах и о повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. Закон СССР. - Правда, 1983, 19 июня.

ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ

Э.Я. Лаасик

Вред другому лицу может быть причинен лицом, не способным отвечать за наступившие неблагоприятные последствия — за причиненный им имущественный вред. К таким среди других лиц относятся и несовершеннолетние в возрасте до пятнадцати лет (далее — малолетние). В силу закона (ч. I ст. 454 ГК ЭССР) вместо них при наличии условий, установленных законом, отвечают их родители (усыновители) или опекуны. Поскольку такая ответственность, по нашему мнению, может реализоваться только через возникновение обязательства [1] (из причинения вреда), возникает проблема множества лиц в обязательстве. Является ли возникающее обязательство долевым или солидарным? Та же самая проблема назревает, если малолетний причинил вред в то время, когда состоял под надзором учебного заведения, воспитательного или лечебного учреждения, и указанные организации должны отвечать за причиненный им вред (ч. 2 ст. 454 ГК ЭССР).

У нас имеется немало специальной литературы по вопросу о возмещении вреда, причиненного несовершеннолетними [2]. Высказаны очень разнообразные точки зрения по многим суждениям. Существуют расхождения не только в деталях, а иногда даже в общих и исходных позициях, как, например, в понятии юридической ответственности, в возникновении долевого и солидарного обязательства и в случае неисполнения этих обязательств в понятии долевой и солидарной ответственности и т.п. Кроме всего прочего, в научных исследованиях правильному пониманию вопроса и правильному применению норм права, изложенных в главе 41 ГК ЭССР, юрисдикционными органами во многом мешает своеобразная редакция норм права в упомянутой главе. Как известно, эта глава называется "Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда". Было бы логично, если помещенные в ней последующие статьи были бы озаглавлены: "понятие обязательства...", "условия возникновения обязательств...", "отдельные виды обязательств" и т.п. Вместо этого большинство статей озаглавлено как ответственность в

различных случаях, что в названии главы вообще не отражается. В текстах же статей написано: "вред... подлежит возмещению (ст. 448 и т.п.), "обязан возместить вред" (ст. 449, 458, 461, 463, 465 и т.п.), "должны возместить вред" (ст. 464, 465 и т.п.), "отвечает (отвечает) за вред" (ст. 454, ч. I ст. 455, 456 и т.п.). Интересно заметить, что родители по ч. I ст. 454 "отвечают за вред", а по редакции ч. II ст. 455 - "должны возместить вред". Существует ли здесь какая-либо разница? Только в тексте ст. 459 ГК (а также в ст. 451 - в новой ред.) упомянута "ответственность" и то в контексте "несут солидарную ответственность", что по существу в словесном значении означает не что иное как "отвечают солидарно". Спрашивается, в чем тут дело?

В настоящей статье делается попытка раскрыть сущность некоторых спорных положений обязательств, возникающих в случае причинения вреда малолетними. Но до непосредственного исследования вопроса необходимо изложить основные исходные позиции автора по этим вопросам.

Если абсолютное субъективное право одного лица, например, право личной собственности нарушено путем уничтожения вещи другим лицом, то это лицо - бывший собственник - не может защищать свое право вещно-правовыми средствами защиты (например, путем предъявления виндикационного иска), так как правоотношение собственности прекратилось. Но при наличии оснований, установленных законом, правонарушитель обязан возместить бывшему собственнику причиненный вред в полном объеме. Таким образом, в отношении нарушения этого абсолютного имущественного субъективного права одного лица - бывшего собственника - возмещение последнему имущественного вреда правонарушителем можем называть имущественной ответственностью последнего. Но поскольку вышеупомянутая обязанность правонарушителя является и элементом содержания правоотношения, то в силу ст. 5 ГК ЭССР гражданско-правовая ответственность реализуется через обязательство, возникающее вследствие причинения вреда другому лицу. В силу этого обязательства бывший собственник (бывший управомоченный субъект абсолютного правоотношения) как потерпевший вправе требовать от причинившего вред (нарушителя его абсолютного субъективного права) возмещения причиненного ему имущественного вреда. Это обязательство в теории права названо правоохранительным [3] и как всякое иное обязательство подлежит надлежащему исполнению. В случае нарушения обязанности исполнения по этому обязатель-

ству наступает ответственность причинившего вред как субъекта обязательства за неисполнение или ненадлежащее исполнение этого обязательства. Это ответственность уже за нарушение возникшего относительного субъективного права. При ином понимании существовали бы в гражданском праве и обязательства, которые к исполнению не подлежат или об исполнении которых не говорят и в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения которых никакой ответственности не последует.

Под юридической ответственностью мы понимаем принужденное (принудительное) исполнение обязанности в абсолютном или относительном правоотношении лицом, нарушившим субъективное право другого лица, в силу обязывающего решения правоприменительного органа, либо под угрозой применения в отношении него за противоправное поведение санкции соответствующи нормы права, регулирующей данное отношение [4]. Таким образом, мы различаем исполнение обязанности в правоотношении до и после наступления правонарушения. Исполнения обязанности в последнем случае и есть ответственность правонарушителя и независимо от того, исполняется ли тогда обязанность принудительно (принудительно) или добровольно [5].

Так как, по нашему пониманию, гражданско-правовая ответственность за нарушение абсолютного имущественного субъективного права другого лица реализуется через возникновение обязательства вследствие причинения вреда, в тексте всех статей главы 41 ГК ЭССР, независимо от того как они словесно сформулированы, имеется в виду "обязанность возместить вред" причинившим вред при наличии условий, перечисленных в данной статье. Таким образом, в статье 454, 455 и т.п., в которых написано: "отвечают (отвечает, несет ответственность) за вред", даже правильнее сказать "обязаны (обязан) возместить вред", как в судебной практике и в специальной юридической литературе нередко и пишут. Кстати, в настоящей статье, если излагается текст официального законодательного материала, мы все-таки вынуждены вместо "обязан возместить вред" употреблять терминологию закона "отвечают за вред", "несут ответственность за вред" и т.п.

Иногда в практике народных судов представляет трудности само различение долевой и солидарной ответственности (в ред. ст. 459). В решениях суда иногда писалось, что солидарная, это равная, а долевая - неравная ответственность; писалось, например, что взыскать с ответчиков солидарно 1000 рублей, т.е. по 500 рублей с каждого. Впоследствии сказанное не-

сомненно превращает ответственность в долевую. Такие ошибки встречаются в практике судов не только Эстонской ССР, но и судов других союзных республик [6]. Все становится на свое место, если сказать, что изложенное в ст. 459 ГК ЭССР - лица, совместно причинившие вред, несут солидарную ответственность (отвечают солидарно) перед потерпевшим - означает не что иное как реализацию гражданско-правовой ответственности через возникновение солидарного обязательства, в котором солидарность обязанности на стороне должников. При солидарной обязанности в обязательстве кредитор (потерпевший, уполномоченный субъект в обязательстве) по ч. I ст. 188 ГК ЭССР вправе требовать исполнения обязательства как от всех должников (от причинивших вред как обязанных субъектов) совместно, так и от любого из них в отдельности, как полностью, так и в части долга (возмещения). При этом потерпевший, не получивший полного возмещения от одного из совместно причинивших вред, имеет право требовать недополученного от остальных совместно причинивших вред, в том числе и от этого совместно причинившего вред, к которому уже было предъявлено требование, но не в полном объеме. Право выбора, к кому и в каком объеме предъявить требование для исполнения солидарного обязательства, принадлежит только потерпевшему. Такой порядок исполнения обязательства учрежден только в интересах кредитора (потерпевшего). Он может оказаться для должника крайне невыгодным, несправедливым, иногда даже неоправданным, однако, иное решение вопроса допустимо только в законодательном порядке [7]. Устанавливая возникновение солидарного обязательства при совместном причинении вреда, законодатель уже предвидел все возможные неблагоприятные последствия, угрожающие причинившим вред.

Так как внедоговорное обязательство из причинения вреда в силу ст. 5 ГК ЭССР возникает из факта причинения, мы считаем исходным, что при участии множества лиц, во-первых, надо установить полный субъективный состав обязательства, а на стороне причинивших вред (обязанных субъектов) в особенности. Ступенчатое установление солидарности на стороне обязанных субъектов, по нашему мнению, с точки зрения гражданского права себя не оправдывает [8]; во-вторых, надо установить не только общие условия возникновения обязательства, но и особое условие - совместное причинение. Совместное причинение - это объективная категория, которая относится в состав причинной связи и выражается в том, что "противоправ-

ные действия нескольких лиц в совокупности причинно обусловили вред как некоторое нераздельное целое" [9].

Таким образом, по нашему мнению, солидарная ответственность не что иное как, проходя установление возникновения солидарного обязательства (солидарности на стороне должников), принужденное (принудительное) исполнение обязанности по предложенному способу потерпевшего (кредитора), совместно причинившими вред (солидарными должниками), нарушившими субъективное право потерпевшего в силу обязывающего решения правоприменительного органа, либо под угрозой применения в их отношении за противоправное поведение санкции соответствующих норм права, регулирующих данное отношение.

Право предложить (выбрать) способ исполнения принадлежит только потерпевшему в силу прямого предписания ч. I ст. 188 ГК ЭССР, в котором указывается: "... кредитор вправе требовать исполнения как...".

Понятие "вправе требовать исполнения" - понятие материального права. Его никак нельзя отождествлять с понятием "вправе предъявить иск" (понятие процессуального права), как иногда необоснованно полагают [10], к одному, нескольким или ко всем причинившим вред о взыскании возмещения вреда в полном объеме или частично без предварительного установления решающим дело юрисдикционным органом возникновения солидарного обязательства. Никак нельзя признать правильным решение народного суда, когда иск к одному из нескольких ответчиков о возмещении вреда оставляют без удовлетворения с указанием, что он отвечает в порядке регресса [11].

В ч. I ст. 454 ГК ЭССР установлено, что за вред, причиненный малолетним, отвечают его родители (усыновители) или опекун, если не докажут, что вред возник не по их вине. Проще говоря, это означает,

во-первых, что если вред причинен малолетним, обязательство вследствие причинения вреда возникает не между малолетним и потерпевшим, так как малолетний не деликтоспособен и субъектом гражданско-правового обязательства выступать не может [12], а между лицом, обязанным возместить вред, и потерпевшим. К таким обязанным лицам относятся родители (усыновители) или опекун [13]. Родитель, лишенный родительских прав, не может быть опекуном своего ребенка и по общему правилу не обязан возместить причиненный его ребенком вред. Однако по одному делу, в котором родитель был лишен родительских прав лишь за три месяца до причинения вреда его ма-

лолетним сыном, коллегия по гражданским делам Верховного Суда ЭССР, отменяя решение народного суда, считает нужным заметить, что народному суду следовало бы проверить, не являлись ли действия 14-летнего сына, причинившего вред, следствием плохого воспитания, данного ему родителем [14]. По-видимому, коллегия считает при определенных условиях возможным привлекать к возмещению вреда и такого родителя;

во-вторых, предполагается, что родители (усыновители) или опекун виновны в причинении вреда их малолетним ребенком. Если родители (усыновители) или один из них или опекун докажет, что вред возник не по его вине, он освобождается от обязанности возместить вред, так как при отсутствии его вины обязательство между ним и потерпевшим вообще не возникло.

Само собой разумеется, что как родители (усыновители), так и опекун отвечают не за чужие, а за собственные действия (бездействия) и не за чужую, а за собственную вину, так как обязательство возникает не между малолетним и потерпевшим, а только между родителями (усыновителями) или опекуном и потерпевшим. Так как малолетний неделиктоспособен, то конструкция о возможности возникновения обязательства с участием малолетнего на стороне обязанного субъекта, чтобы говорить об ответственности за чужие действия и за чужую вину, вообще неверна.

В свете сказанного возникает вопрос: обязаны ли возместить вред, причиненный малолетним, оба родителя (усыновителя) и если да, то возникает ли долевое или солидарное обязательство. Употребляя терминологию ГК ЭССР, это звучит так: отвечают ли за вред, причиненный малолетним другому лицу, оба родителя (усыновителя) и если да, то как: по принципу долевого или солидарной ответственности?

В ст. 454 ГК ЭССР говорится о родителях и усыновителях малолетнего, а не о родителе или усыновителе. В ст. 66 КоБС ЭССР говорится о равенстве прав и обязанностей отца и матери, т.е. об обоих родителях в отношении их детей и это даже тогда, когда брак между ними расторгнут. Следовательно, в случае причинения малолетним вреда другому лицу даже вопроса о том, привлекать или не привлекать к ответственности одного или обоих родителей, возникать не может. Оба родителя являются обязанными субъектами возникающего обязательства [15].

Если у малолетнего другого родителя нет, надо об этом непременно оговорить в решении суда. Если же один из родителей сумеет доказать, что он не виновен в причинении мало-

летним вреда другому лицу, то это также должно быть отмечено в судебном решении [16]. Такой родитель не обязан возмещать вред, так как между ним и потерпевшим обязательства не возникает. Ответственным за вред в полном объеме становится другой родитель один, так как обязательство из причинения вреда возникло только между ним и потерпевшим. Отменяя решения народных судов, коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР не раз отмечала, что при повторном рассмотрении дела необходимо привлекать к участию в деле и другого родителя [17], или же что приведенные мотивы недостаточны для освобождения родителя от обязанности возместить вред, несмотря на то, что брак расторгнут и они проживают раздельно [18]. Но иногда, к сожалению, остается в силе и такое решение, в которых о другом родителе ничего не говорится [19].

Несколько сложнее ответить на вопрос, обязаны ли родители возместить вред, причиненный их малолетним ребенком, потерпевшему по принципу солидарной или долевой ответственности. В поисках ответа на этот вопрос нередко в судебной практике ссылаются на п. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 6 от 23 октября 1963 г. [20]. Но в этом пункте, к сожалению, вообще не говорят об ответственности родителей (усыновителей) или опекуна, т.е. не говорят о том случае, когда вред причинен малолетним.

Правильный ответ на поставленный вопрос содержится в конструкции возникновения обязательства между родителями и потерпевшим. Размышляем следующим образом: оба родителя обязаны воспитывать своих детей, заботиться об их обучении, растить их достойными членами социалистического общества (ч. I ст. 67 КоБС СССР). Перечисленные обязанности содержат и обязанность осуществлять надлежащий надзор за детьми. Неполное или ненадлежащее исполнение их - поведение противоправное. Противоправное бездействие родителей вызвало поведение малолетнего и причиненный последним вред, поскольку он субъектом возникающего обязательства быть не может, является тем самым уже вредом, причиненным непосредственно бездействием родителей. Правильно подчеркивает П. Варуль, что "причина связи между причиненным вредом и противоправным поведением родителей выражается в том, что невыполнение родителями своих обязанностей по воспитанию и надзору повлекло за собой поведение ребенка, причинившего вред" [21].

По ч. I ст. 66 КоБС СССР права родителей в отношении своих детей равны. В силу прямого предписания закона (ч. 5

ст. 67 КоБС ЭССР) родители обязаны все вопросы по воспитанию детей решать по взаимному согласию, в интересах детей. Следовательно, они никак не могут надлежаще осуществлять свои права и нести свои обязанности иначе как совместно, синхронно. Соглашение между родителями, по которому один из них освобождается от обязанности воспитать ребенка, недействительно. Таким образом, бездействие родителей в конечном итоге обуславливает (вызывает) причинение вреда другому лицу через поведение малолетнего, не являющегося субъектом возникающего гражданско-правового обязательства. Так как оба родителя одновременно были обязаны воспитать ребенка или вести надзор за ним, их бездействия надо рассматривать совместными и причиненный малолетним вред - результатом их совместного противоправного бездействия. Поэтому в случае причинения вреда малолетним, если основные условия возникновения обязательства налицо, родители в соответствии со ст. 459 ГК ЭССР всегда несут солидарную ответственность перед потерпевшим [22], так как вред является результатом их совместного противоправного бездействия, порождающим возникновение солидарного обязательства, и это даже тогда, когда брак между родителями расторгнут [23].

В подавляющем большинстве случаев и судебная практика склонна обязать родителей возместить вред, причиненный малолетними, солидарно [24]. Встречаются и решения, по которым родители обязывают возместить вред по долевому принципу [25].

Под виной родителей следует понимать как неосуществление должного надзора за малолетними в момент причинения вреда, так и безответственное отношение к их воспитанию или неправомерное использование своих прав по отношению к детям, результатом которого явилось неправильное поведение детей, повлекшее вред. Она проявляется, как правило, в форме неосторожности.

Нами подчеркивалось, что предполагается наличие вины обоих родителей, если один из них не доказал отсутствия своей вины. Возникновению солидарного обязательства не препятствует и разница в степенях вины родителей. Мнение о том, что родители возмещают вред солидарно только при равной их вине, ничем не обосновано [25]. Степень вины может быть учтена только тогда, когда иск потерпевшего о возмещении вреда удовлетворен к родителям солидарно, один из них исполнил обязательство полностью и после этого предъявил к другому

родителю регрессный иск о возмещении ему падающей на него доли. Такие иски мыслимы.

Если возложить на родителей в случае причинения их малолетним ребенком вреда другому лицу долевую ответственность, как некоторые авторы считают правильным [27] и как иногда бывает в судебной практике [28], то это не стимулирует ни равного осуществления прав и ни равного несения обязанностей родителями, а также воспитания детей по взаимному согласию. Будут нарушены интересы потерпевшего, т.е. то, ради защиты чего солидарная ответственность вообще существует [29]. Налицо и необоснованное амнистирование одного родителя, если он не работает, чаще всего бросает работу, и имущества, на что может быть обращено взыскание, не имеет.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что ряд вопросов возмещения вреда, причиненного малолетними, недостаточно четко урегулирован действующим законодательством. Вследствие этого в судебной практике бывают случаи, когда одни и те же вопросы разрешаются по-разному. Как показывает многолетняя практика, разъяснения, изложенные в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г., единообразного применения закона полностью не обеспечили. Необходимо не только уточнить некоторые законоположения в ГК ЭССР, регулирующие возмещение вреда, причиненного малолетними, но и издать дополнительно разъяснение Пленума Верховного Суда ЭССР, используя при этом положительный опыт издания и применения аналогичного постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. № 36 [30] с последующими изменениями, а его пунктов 5 и 6 в частности.

Примечания

1. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, с. 47, 118 и др.

2. Белякова А.М. Ответственность за вред, причиненный малолетним и несовершеннолетним лицам. - Б.м.: Изд-во МГУ, 1963; Ее же. Имущественная ответственность за причинение вреда. - М.: Юрид. лит., 1979, с. 51-66; Спиглазова Н.М. Некоторые вопросы ответственности за вред, причиненный малолетними. - В кн.: Проблема защиты субъективных прав и советское

гражданское судопроизводство: Межвузовский сборник. - Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1981, с. 83-90.

3. Илларионова Т.И. Проблема охранительных функций гражданского права. - В кн.: XXVI съезд КПСС и проблемы советского гражданского права: Межвузовский сборник. - Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1982, с. 62-70; Ее же. Система гражданско-правовых охранительных мер. / Ред. Красавчиков О.А. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. - 167 с.

4. Обзор концепции юридической ответственности см.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). - М.: Юрид. лит., 1976. - 214 с.; Тархов В.А. Гражданско-правовая ответственность и меры защиты. - В кн.: Хозяйство, право, управление: Межвузовский сборник. - Б.м.: Изд-во Сарат. ун-та, 1977, вып. 3, с. 94-103; Черданцев А.Ф., Кожевников С.Н. О понятии и содержании юридической ответственности. - Правоведение, 1976, № 5, с. 42; Дейст О.Э. Основные виды юридической ответственности за правонарушение. - Правоведение, 1977, № 3, с. 31-39; Дейст В.А. Санкции и ответственность по советскому праву: Теоретические проблемы. - Б.м.: Изд-во МГУ, 1981. - 238 с.; Строгович М.С. Сущность юридической ответственности. - Советское государство и право, 1979, № 5, с. 72-78; Астемиров З.А. Понятие юридической ответственности. - Советское государство и право, 1979, № 6, с. 59-65; Донцов С.Е. Гражданско-правовые внедоговорные способы защиты социалистической собственности. - М.: Юрид. лит., 1980. - 117 с.; Назаров Б.Д. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности. - Советское государство и право, 1981, № 10, с. 29-38; Фефелов И.А. О понятии ответственности в советском праве. - Правоведение, 1982, № 2, с. 47-52; Суханов Е.А. Превентивная функция имущественной ответственности. - Советское государство и право, 1982, № 6, с. 49-54.

5. Дейст О.Э. Основные виды юридической ответственности. - Правоведение, 1977, № 3, с. 32-33.

6. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. - с. 352.

7. Майданик Л.А. Солидарная ответственность совместных причинителей вреда. - Советское государство и право, 1968, № 5, с. 120.

8. Так предлагается в уголовном процессе, если не все возможные субъекты солидарного обязательства привлечены к уголовной ответственности. Кроме того, трудно представить себе случаи, когда при совместном причинении вреда долевая ответ-

ственность причинивших вред для потерпевшего выгоднее, чем солидарная.

9. Флейшиц Е.А. Обязательство из причинения вреда и неосновательного обогащения. - М.: Юрид. лит., 1951, с. 154.

10. Новицкий И.Б., Луцк Л.А. Общее учение об обстоятельстве. - М.: Юрид. лит., 1950, с. 210-211; Гальперин Д. Солидарные обязательства. - Советская юстиция, 1967, № 10, с. 17.

11. См. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/599-1978.

12. Андреев Е. Возмещение ущерба, причиненного несовершеннолетними. - Советская юстиция, 1976, № 8, с. 30.

13. Родители и усыновители также опекуны. Но поскольку они являются таковыми уже в силу закона без специального оформления, они перечисляются в законе отдельно. Впредь, если нет особой необходимости, вместо трех понятий употребляется только одно - родители.

14. См. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/336-1979.

15. См. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/625-1983.

16. Лаасик Э.Я. К вопросу возникновения солидарного обязательства вследствие совместного причинения вреда. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, 1969, вып. 230. с. 143.

17. См. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/599-1978.

18. Князев А. О правах и обязанностях супругов и родителей. - Советская юстиция, 1982, № 2, с. 12; Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-3/9-1982.

19. См. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/764-1981.; 2-2/603-1983.

20. См. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1963, № 4, с. 13-23.

21. Варуль П.А. Проблемы ответственности в случаях причинения вреда несовершеннолетними. - В кн.: Проблемы гарантий осуществления и защиты прав граждан. Тарту, 1977, с. 130.

22. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973, с. 355; Чечеткина З.В. Возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними. - Советская юстиция, 1974, № 5, с. 24 и др.

23. Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Гражданско-правовое положение несовершеннолетнего. - М.: Юрид. лит., 1968, с.

165; Майданик Л.А., Сергеев Н.Д. Материальная ответственность за повреждение здоровья. - М.: Брид. лит., 1968, с. 122-123.

24. См. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 392/II-1968; № 367/II-1969; № 656/II-1975; 2-2/625-1983.

25. См. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2594-1982.

26. См. Гражданский кодекс РСФСР: Учебно-методическое пособие II. Свердловск, 1965, с. 361.

27. Кутушев В. Возмещение ущерба по делам о хищениях, совершенных подростками. - Социалистическая законность, 1971, № 2, с. 65.

28. См. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 639/II-1971; № 328/II-1975; № 373/II-1975.

29. Варуль П.А. Указ. соч., с. 131.

30. См. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. № 36 с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 20 декабря 1976 г. № 7 "О некоторых вопросах, возникающих в практике судов при применении норм ГК РСФСР, регулирующих возмещение вреда. - В кн.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР 1961-1977. - М.: Брид. лит., 1978, с. 57-61.

ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ
В ВОЗРАСТЕ ОТ ПЯТНАДЦАТИ ДО ВОСЕМНАДЦАТИ ЛЕТ ИЛИ
НЕСКОЛЬКИМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ СОВМЕСТНО

Э.Я. Ляасик

В ч. 1 ст. 455 ГК ЭССР установлено, что несовершеннолетний в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет (далее в целях краткости просто несовершеннолетний) отвечает за причиненный им вред на общих основаниях. Он тем самым считается деликтоспособным [1]. Обязательство возникает непосредственно между ним самим и потерпевшим. Поэтому несовершеннолетний всегда сам является либо участником процесса в качестве гражданского ответчика, либо лицом, участвующим в деле в качестве ответчика, и иск о возмещении вреда должен быть всегда предъявлен к нему самому.

В то же время вполне закономерно, что несовершеннолетние в таком возрасте учатся, получают в лучшем случае только небольшую стипендию, а поэтому, как правило, в случае причинения ими вреда другому лицу достаточными средствами для полного возмещения этого вреда не располагают. Имея в виду именно такое положение (отсутствие или недостаточность имущества или заработка), в ч. 2 ст. 455 ГК ЭССР установлено, что в случаях, когда у несовершеннолетнего нет имущества или заработка, достаточного (подчеркиваем - Э.Л.) для возмещения вреда, вред должен быть возмещен в соответствующей части (подчеркиваем - Э.Л.) его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Эта их обязанность прекращается (подчеркиваем - Э.Л.), когда причинивший вред достигнет совершеннолетия, а также в случае, если у него до достижения совершеннолетия появятся имущество или заработок, достаточные для возмещения вреда.

В связи с приведенными положениями закона возникает ряд спорных вопросов. Надо ли привлекать родителей (усыновителей) или попечителя к участию в деле в качестве соответчика и в том случае, когда несовершеннолетний имеет достаточные средства (имущество, деньги, заработок) для полного возмещения причиненного им вреда? По-видимому, нет, если хоть немного уважать сказанное в законе. Привлечение их в таком случае к

участию в деле в качестве соответчиков противоречило бы даже подлинному смыслу закона - ч. 2 ст. 455 ГК ЭССР, в котором подчеркнута именно недостаточность средств у причинившего вред. А как понимать тогда изложенное в ч. 1 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. № 16 [2] о том, что "по искам о возмещении вреда, причиненного несовершеннолетними, достигшими 15-летнего возраста, суды не только по просьбе истца, но и по собственной инициативе должны привлекать к участию в деле в качестве соответчиков (подчеркиваем - Э.Л.) родителей или попечителей несовершеннолетних". Не противоречит ли разъяснение действующему закону? Надо признать, что редакционное изложение разъяснения действительно не отличается точностью. Оно четко не различает несовершеннолетних, имеющих и не имеющих достаточные средства для полного возмещения причиненного ими вреда, а поэтому получается, будто надо привлекать родителей (усыновителей) или попечителя к участию в деле в качестве соответчика во всех случаях. Такой вывод подтверждается как будто еще и тем, что далее в этом же пункте разъяснено: "на имущество или на иные доходы этих лиц (т.е. родителей или попечителя - дополнено нами - Э.Л.) взыскание может быть обращено лишь при отсутствии у несовершеннолетних имущества, заработка или иных источников дохода, достаточных для возмещения вреда. В ином понимании мы никак не могли бы говорить о приведении в исполнение вступившего в законную силу решения суда в отношении родителей или попечителя только тогда, когда при исполнении решения к самому несовершеннолетнему будет установлено, что у него имущественных средств нет или они недостаточны для полного возмещения вреда. Противоречие очевидно.

Но вышеприведенное может быть понято и иначе. Тогда никакого противоречия между ч. 2 ст. 455 ГК ЭССР и упомянутым пунктом разъяснения Пленума Верховного Суда нет. Нам кажется, что пленум имел в виду только те случаи, когда у несовершеннолетних имущественных средств нет или они недостаточны для полного возмещения вреда, т.е. то же самое, о чем говорится в ч. 2 ст. 455 ГК ЭССР. Но законом не установлено и пленум также не разъяснил, когда считать средства несовершеннолетнего достаточными, исключаящими необходимость привлечения к участию в деле родителей в качестве соответчиков. По-видимому, этот вопрос должен быть решен судом в каждом конкретном случае, принимая во внимание все обстоятельства дела. Очевидно, такой необходимости нет, когда у несовершеннолетнего име-

ется имущество или заработок, за счет которого возможно немедленно покрыть весь причиненный вред. Например, его заработок 150 рублей, а причиненный вред составляет 30 рублей, он имеет мотоцикл "Ява - 350", а причиненный вред не достигает 200 рублей. Но судебная практика впала в другую крайность: вопрос о достаточности средств у несовершеннолетнего при рассмотрении дела вообще не ставится. Родители (усыновители) или попечитель привлекаются к участию в деле в качестве соответчиков независимо от имущественного положения несовершеннолетнего, т.е. и тогда, когда последний имеет и достаточные средства для полного возмещения причиненного им вреда, вместо привлечения их к участию в деле в качестве законных представителей на основании ст. 115 ГК ЭССР.

Правильное решение этого вопроса заслуживает внимания с двух точек зрения.

Во-первых, если родитель участвует в деле в качестве соответчика, то он в то же время не может выступать в качестве законного представителя своего несовершеннолетнего ребенка, участвующего в том же деле в качестве ответчика, и несовершеннолетний лишен способа защиты, предусмотренного ему ст. 115 ГК ЭССР. Институт временного законного представительства при наличии законного представителя в нашем законодательстве пока неизвестен.

Во-вторых, необоснованным привлечением родителей или попечителя к участию в деле в качестве соответчика (вместо законного представителя), а по вступившему в законную силу решению обращением взыскания на имущество родителей при наличии достаточных средств у самого несовершеннолетнего в особенности, недооценивают и моральный фактор. Несовершеннолетний теряет чувство ответственности и за свое противоправное виновное поведение, так как возмещение взыскивается только с родителей, а последние предъявить к нему регрессного иска не вправе (ч. 2 ст. 460 ГК ЭССР). На такие опасения не раз обращали внимание и родители в своих кассационных жалобах на решения народных судов [3].

Ряд спорных вопросов возникает и в связи с анализом содержания обязательства, возникающего между родителями или попечителем и потерпевшим.

Надо заметить, что в случае причинения несовершеннолетним вреда другому лицу, если все общие условия возникновения обязательства налицо, возникает два обязательства - одно, назовем его основным по сравнению с другим, между са-

ним несовершеннолетним и потерпевшим, и другое, дополнительное, если кроме общих условий налицо и условия, перечисленные в ч. 2 ст. 455 ГК ЭССР, между родителями (усыновителями) или попечителем и тем же потерпевшим. При этом эти обязательства самостоятельны в том смысле, что если родители сумеют доказать, что они не виновны в причинении вреда несовершеннолетним, обязательства между ними и потерпевшим не возникает, а следовательно, они тогда не обязаны возместить причиненный несовершеннолетним потерпевшему вред. Обязательство в таком случае возникает либо на основании ст. 448 и ч. I ст. 455 ГК ЭССР (виновное причинение), либо на основании ст. 458 и ч. I ст. 455 ГК ЭССР (причинение независимо от вины) только между несовершеннолетним и потерпевшим. Несовершеннолетний становится единственным ответчиком (обязанным субъектом) по основному обязательству перед потерпевшим и это даже тогда, когда у него никакого имущества или заработка нет. Может быть и так, что несовершеннолетний оказывается невиновным в причинении вреда другому лицу, но родители не сумеют доказать отсутствия их вины в причинении вреда этим несовершеннолетним. Тогда, наоборот, основного обязательства между несовершеннолетним и потерпевшим не возникает, и он не обязан возместить вред [4]. Возникает обязательство только между родителями и потерпевшим, и они становятся единственными ответчиками (обязанными субъектами) по обязательству перед потерпевшим, которое, несмотря на это, сохраняет все признаки дополнительного (субсидиарного) обязательства, узаконенные в ч. 2 ст. 455 ГК ЭССР.

Возникшее между родителями или попечителем и потерпевшим обязательство – условное и срочное.

Обязательство условно в том смысле, что оно возникает в случае, когда у несовершеннолетнего нет имущества или заработка, достаточного для полного возмещения причиненного им вреда, и прекращается, если у несовершеннолетнего до достижения совершеннолетия появится имущество или заработок, достаточный для полного возмещения вреда, несмотря на то, что в причинении несовершеннолетним вреда были виновны и родители или попечитель. Поэтому, если требование потерпевшего удовлетворено не только к несовершеннолетнему, но и к родителям или к попечителю и до обращения решения суда к исполнению у несовершеннолетнего появится имущество или заработок, достаточный для полного возмещения вреда, то такое решение суда уже к исполнению не подлежит, т.к. обязательство между роди-

телями или попечителем и потерпевшим прекратилось.

Обязательство срочно в том смысле, что оно прекращается достижением несовершеннолетним совершеннолетия независимо от его исполнения без вынесения юрисдикционным органом какого-либо дополнительного решения, хотя и родители или попечитель были виновны в причинении вреда несовершеннолетним. Тогда взыскание может быть обращено только на имущество или заработок несовершеннолетнего, уже достигшего совершеннолетия [5].

Вот конкретное дело из судебной практики, в котором затронуты многие вопросы, поставленные и разрешенные нами выше. Несовершеннолетний А. Ротан, которому 17 лет и 10 месяцев, украл у Стрекача мотоцикл "Ява-350". При возбуждении уголовного дела выяснилось, что он уже с детства страдает шизофренией и невменяем. Потерпевший предъявил к родителям А. Ротана - матери Р. Ротан и отцу В. Ротану иск. Народный суд удовлетворил иск на основании ст. 448, 455 и 456 ГК ЭССР по принципу долевой ответственности, взыскав с ответчиков по 425 рублей. Отменяя решение народного суда, коллегия по гражданским делам Верховного Суда ЭССР кроме всего прочего указала [6]: 1) Так как А. Ротан в установленном порядке не был признан недееспособным, невозможно говорить об ответственности его родителей как опекунов по ст. 456 ГК ЭССР. Поэтому следовало бы привлечь к участию в деле самого несовершеннолетнего. В таком случае родители могут отвечать только дополнительно по ч. 2 ст. 455 ГК ЭССР; 2) но так как А. Ротан как деликтоспособный гражданин во время причинения вреда был в таком состоянии, когда не мог понимать значения своих действий и руководить ими, то в соответствии со ст. 457 ГК ЭССР он не отвечает за причиненный им вред.

Приведенное постановление коллегии имеет большое теоретическое значение: 1) никого нельзя считать недееспособным, пока он не признан таковым в установленном законом порядке и до этого нельзя устанавливать над ним опеки; 2) правила ст. 457 ГК ЭССР применимы и к несовершеннолетним в случаях причинения ими вреда, потому что они деликтоспособны как и совершеннолетние; 3) при причинении вреда несовершеннолетним ответственность его родителей всегда субсидиарна. Они освобождаются от обязанности возместить вред, если докажут, что вред возник не по их вине, так как обязательства между ними и потерпевшим не возникло. Едва ли при данных условиях родители А. Ротана смогут доказать отсутствие их ви-

ны, поскольку их сын с детства страдал шизофренией, им должны были быть известны определенные отклонения в его поведении, хотя он работал и получал заработную плату [7]; 4) субсидиарная ответственность родителей А. Ротана отпадает. Но это не потому, что родители сумели доказать отсутствие своей вины, а потому, что субсидиарная ответственность срочна — она отпадает достижением несовершеннолетним совершеннолетия.

Обязательство между родителями А. Ротана и потерпевшим прекратилось в связи с достижением А. Ротана совершеннолетия, и это независимо от исполнения этого обязательства родителями А. Ротана и от наличия у А. Ротана имущества или заработка после достижения совершеннолетия. Как во время первого (15.02.78), так и во время вторичного рассмотрения дела в народном суде А. Ротан был уже совершеннолетним. Но над ним не было установлено в установленном законом порядке опеки. Народный суд в таком случае может оставить иск к родителям в связи с достижением А. Ротана совершеннолетия без удовлетворения. При новом рассмотрении данного дела народный суд так и поступил: оставил иск на основании 457 ГК ЭССР без удовлетворения [8].

Возникающее обязательство между родителями и потерпевшим по отношению к обязательству, возникающему между самим несовершеннолетним и потерпевшим, дополнительное (субсидиарное), и в случае неисполнения этого обязательства мы можем говорить о дополнительной (субсидиарной) ответственности родителей. Именно поэтому закон и обязывает суды всегда привлекать самого несовершеннолетнего к участию в деле и именно в качестве ответчика и присуждать суммы в возмещение вреда с него — независимо от наличия у него имущества или заработка, достаточного для полного возмещения вреда, потому что между ним и потерпевшим возникает (нами уже названо) основное обязательство. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда ЭССР, отменяя решения народных судов, не раз подчеркивала, что иск подлежит удовлетворению в первую очередь к самому несовершеннолетнему [9].

Между прочим, в судебной практике известны и случаи, когда суд, учитывая имущественное положение не только несовершеннолетнего, а также родителей (усыновителей) или попечителя [10], считает, ссылаясь на ч. 2 ст. 462 ГК ЭССР, возможным уменьшить размер возмещения вреда. Такой вывод обоснован.

Предложение А.Е. Косенко [11] внести изменение в ст. 451 ГК РСФСР (ст. 455 ГК ЭССР) и тем самым в случае причинения

вреда несовершеннолетним узаконить солидарную ответственность несовершеннолетнего и родителей или попечителя перед потерпевшим, известной в судебной практике по первоначальной редакции п. 3 по постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. и отмененной п. 3 постановления того же Пленума от 3 марта 1950 г., неприемлемо, на что в свое время неоднократно указывалось в юридической литературе. Ю.М. Гильман [12] обосновывает неприемлемость этой позиции, например, различиями в причинной связи между поведением несовершеннолетнего и последствием и между поведением родителей или попечителя и последствием. Думаем, что воля и сознание несовершеннолетних на данном этапе социального развития общества во всяком случае таковы, что позволяют оценивать свои противоправные действия и руководить ими. Кроме того, как уже указывалось выше, в таком случае при исполнении решения суда возмещение взыскивается, как правило, только с родителей или попечителя, а они не вправе предъявить регрессного иска к несовершеннолетнему и тем самым оказываются фактически единственными ответчиками перед потерпевшим. Нельзя же ослаблять и требовательности за свои поступки и к самим несовершеннолетним.

Субсидиарную ответственность несут только родители (усыновители) или попечитель. Такой ответственности не несут учебные заведения, воспитательные и лечебные учреждения, под надзором которых несовершеннолетние во время причинения вреда находились. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда ЭССР не раз обращала внимание на это при рассмотрении кассационных жалоб на решения народных судов [13].

Встречаются случаи, когда во время причинения вреда причинивший вред малолетний, а ко времени рассмотрения иска о возмещении причиненного вреда он уже несовершеннолетний. По таким делам позиция коллегии по гражданским делам Верховного Суда ЭССР такова - применению подлежат нормы, регулирующие поведение соответствующих лиц в момент причинения вреда, т.е. правила ст. 454 ГК ЭССР. "Вывод народного суда о том, - как совершенно обоснованно говорится в определении коллегии по гражданским делам [14], - что поскольку И. Запоров достиг 16-летнего возраста, то он лично обязан возместить причиненный им вред, является ошибочным". Он не являлся деликтоспособным в момент причинения вреда, а поэтому он не становится таковым и при достижении пятнадцатилетнего возраста. Далее пишется в определении, что последующее достижение малолетним

пятнадцатилетнего возраста не освобождает родителей и опекуна от обязанности возместить вред. И, наконец, повторно совершенно справедливо подчеркивается, что при этом на малолетнего по достижении пятнадцатилетнего возраста также не может быть возложена обязанность возместить причиненный им вред. Но это не помешало коллегии по истечении ряда лет занять, к сожалению, совершенно противоположную позицию. Оставлено в силе решение народного суда, по которому с несовершеннолетних в возрасте 15 и 16 лет на основании ч. 1 ст. 455 присуждено солидарно 1543 руб. 10 коп., а при отсутствии или недостаточности у них имущества или заработка взыскать с отца и матери одного ответчика солидарно 771 руб. 55 коп. и с матери другого ответчика 771 руб. 55 коп., хотя в момент причинения вреда более двух лет тому назад оба ответчика были малолетними - одному 12, а другому 13 лет. Трудно обосновать правильность такого решения и определения судов [15].

И, наконец, возникающее дополнительное обязательство между родителями (усыновителями) или попечителем и потерпевшим в случае причинения вреда несовершеннолетним солидарное, а поэтому они на основании ст. 459 ГК ЭССР обязаны возместить причиненный несовершеннолетним вред потерпевшему в порядке, предложенном последним в соответствии с ч. 1 ст. 188 ГК ЭССР. Обосновано это равными правами и обязанностями обоих родителей в отношении их несовершеннолетнего ребенка, узаконенными в ст. 66 и 67 КоБС ЭССР, что и при причинении вреда малолетними. В судебной практике, как правило, обязывают родителей возместить вред, причиненный несовершеннолетним, потерпевшему солидарно [16], но встречаются и решения, обязывающие родителей возместить вред потерпевшему по долевым принципам [17]. Последний принцип возмещения нередко приводит к необоснованному амнистированию одного из родителей при отсутствии у него имущества или заработка, на что можно обратить взыскание. Недобросовестные родители охотно воспользуются этим, т.к. их дополнительная обязанность возместить вред во всех случаях отпадает при достижении несовершеннолетним совершеннолетия. Хуже всего, когда из решения суда не явствует, почему другой родитель не привлечен к участию в деле [18]. Иногда бывает и так, что суд взыскивает определенную общую сумму в возмещение вреда с обоих родителей, но не указывает, как обратить взыскание - по солидарному или долевым принципам [19]. Надо подчеркнуть, что солидарность не предполагается, а поэтому возникают сомнения в правильности при приведении в исполнение такого решения.

Если вред другому лицу причинен совместными действиями нескольких несовершеннолетних, то они по прямому указанию закона (ч. I ст. 455 и 459 ГК ЭССР) и разъяснению, данному в ч. 2 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. отвечают за вред перед потерпевшим (обязаны возместить вред) солидарно, так как между ними и потерпевшим возникло солидарное обязательство. При этом не имеет значения, происходят ли несовершеннолетние от одних или от разных родителей. По этому вопросу в судебной практике двойного понимания нет [20].

Совершенно ясно и разъяснение, данное в ч. I п. 15 того постановления пленума о том, что при причинении вреда совместными действиями нескольких несовершеннолетних, происходящих от разных родителей, ответственность родителей или попечителей перед потерпевшим должна определяться по принципам долевой ответственности [21]. В правильности и справедливости этого никто не сомневается. А это означает, что в первую очередь надо определить долю долга в отношении родителей (усыновителей) или попечителя каждого несовершеннолетнего. Эти доли могут (в зависимости от различных обязательств) быть как равными, так и неравными. В судебной практике в принципе и против этого возражений нет. Однако о том, как отвечают родители сами, т.е. отец и мать каждого несовершеннолетнего перед потерпевшим, вот об этом в постановлении пленума ничего не говорится. Из этого и возникают расхождения как в юридической литературе, так и в судебной практике. В одних случаях дополнительная ответственность возлагается на родителей каждого несовершеннолетнего также по принципу долевой ответственности [22] как обязанность возместить отцом и матерью, каждым свою долю из вреда отдельно по обязательству, возникшему между ними как обязанными субъектами и потерпевшим как управомоченным субъектом. В других случаях указанная ответственность возлагается на родителей каждого несовершеннолетнего по принципу солидарной ответственности [23] как обязанность отца и матери исполнить падающую на них долю вреда в порядке, предложенном потерпевшим в соответствии с ч. I ст. 188 ГК ЭССР.

На языке цифр это выглядит таким образом. Представим себе, что два несовершеннолетних, происходящих от разных родителей, причинили совместно вред на сумму 1000 рублей. Эта сумма в возмещении вреда присуждается с несовершеннолетних солидарно, так как возникло солидарное обязательство между

ними и потерпевшим. Но так как родители несовершеннолетнего отвечают перед потерпевшим дополнительно и по принципу долевой ответственности, надо определить доли, падающие на родителей каждого несовершеннолетнего. Нередко доли равны [24], но они могут быть и неравными [25]. Представим, что суд в данном случае определил, что доля родителей А - 600 рублей, потому что их сыну 17 лет, он был организатором кражи, а доля родителей Б - 400 рублей, потому что их сыну 15 лет и он был только исполнителем. В одних случаях сумма возмещения присуждается с родителей каждого несовершеннолетнего опять-таки по принципу долевой ответственности, т.е. в нашем примере с родителей А - с отца 300 рублей и с матери 300 рублей и с родителей Б соответственно с отца 200 рублей и с матери 200 рублей [26]. В других случаях сумма возмещения присуждается с родителей каждого несовершеннолетнего по принципу солидарной ответственности, т.е. с родителей А 600 рублей солидарно и соответственно с родителей Б 400 рублей солидарно. При этом интересно заметить, что в решениях народных судов в обоих случаях, как правило, ссылаются на п. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г.

О чем же говорится на самом деле в п. 15? По нашему мнению, в п. 15 подчеркивается три момента: во-первых, если несовершеннолетние причинили вред совместно, они отвечают перед потерпевшим солидарно; во-вторых, имущественная ответственность родителей (усыновителей) или попечителей несовершеннолетних является дополнительной и, в-третьих, дополнительная ответственность родителей (усыновителей) в отношении каждого несовершеннолетнего перед потерпевшим определяется по принципу долевой ответственности. О том, как родители сами должны исполнить возникшее субсидиарное обязательство со множеством обязанных субъектов (отца-матери) по требованию потерпевшего, в п. 15 вообще не говорится. В отношениях родителей (усыновителей) между собой ничего не изменилось от ранее сказанного, и исходя из статей 66 и 67 КоБС ЭССР [27] и по ст. 459 ГК ЭССР их субсидиарная ответственность перед потерпевшим с нашей точки зрения всегда солидарна, если ни один из родителей не доказал отсутствия своей вины и тем самым вообще не освободился от ответственности.

Если вред причинен совместными действиями нескольких несовершеннолетних, происходящих от одних родителей, например, двух братьев, то ответственность самих несовершеннолетних перед потерпевшим солидарна (ч. I ст. 455 ГК ЭССР) и дополни-

тельная ответственность (ч. 2 ст. 455 ГК ЭССР) их родителей (усыновителей) наряду с ними перед потерпевшим в соответствии со статьями 66 и 67 КоБС ЭССР и ст. 459 ГК ЭССР также солидарна.

Бывают случаи, когда вред причинен тремя несовершеннолетними, из которых двое братья, а третий чужой. Если сумма причиненного вреда, например, 900 рублей, то эта сумма в возмещение вреда присуждается с указанных трех несовершеннолетних солидарно. Если суд установит, что вина родителей всех несовершеннолетних в причинении вреда одинаковая, то сумма возмещения делится на три. С родителей братьев присуждается 600 рублей солидарно, а с родителей чужого несовершеннолетнего - 300 рублей солидарно.

И наконец. В пункте 15 указанного постановления Пленума от 23 октября 1963 г. ни слова не говорится об ответственности родителей (усыновителей) или опекунов, если вред причинен совместными действиями нескольких малолетних (несовершеннолетними до пятнадцати лет), происходящих от разных или от одних родителей. Наш вывод основывается на том, что в постановлениях пленума ни разу не употребляется понятия "опекун", тем самым и родителей (усыновителей) в роли опекуна. Что это действительно так, заметили все практики и представители науки. Но реакция на это со стороны авторов диаметрально различна.

Одни авторы полагают, что то, что в п. 15 постановления Пленума говорится о субсидиарной долевой ответственности родителей несовершеннолетних, происходящих от разных родителей, применимо и в отношении ответственности родителей, если вред причинен малолетними, происходящими от разных родителей [28]. Так нередко поступают и суды при разрешении этой категории дел [29], хотя такая практика не опирается ни на закон, ни на разъяснение, данное в п. 15 названного постановления Пленума Верховного Суда СССР. По нашему мнению, эти авторы не различают основного и единственного обязательства, возникающего, если вред причинен малолетним (между родителями и потерпевшим) и дополнительного обязательства, возникающего, если вред причинен несовершеннолетним, между родителями и потерпевшим, наряду с основным обязательством, возникающим между несовершеннолетним и потерпевшим.

Другие же авторы, ссылаясь именно на существенные различия между названными возникающими обязательствами, полагают, что ответственность родителей в случае причинения вреда ма-

лолетним и субсидиарная ответственность родителей в случае причинения вреда несовершеннолетними, вообще явления на иных плоскостях [30]. По их мнению, ответственность родителей за вред, причиненный совместными действиями нескольких малолетних, и ответственность самих несовершеннолетних за вред, причиненный их совместными действиями - явления на одной плоскости, а субсидиарная ответственность родителей в случае причинения вреда их несовершеннолетними - явление на другой плоскости. Поскольку ответственность самих несовершеннолетних в таком случае в силу ч. 1 ст. 455, 459 ГК ЭССР и ч. 2 п. 15 постановления Пленума от 23 октября 1963 г. перед потерпевшим солидарна, то и ответственность родителей обоих малолетних перед потерпевшим, по их мнению, солидарна, потому что вместо каждого малолетнего в качестве обязанного субъекта в обязательстве выступают оба родителя того и другого малолетнего. А количество солидарных должников зависит от числа родителей у каждого малолетнего, выступающих вместо них в качестве обязанных субъектов в данном солидарном обязательстве перед потерпевшим. Если у двух малолетних, например, только мать у каждого, то и солидарных должников два, а если же отец и мать у каждого, то солидарных должников четыре. Встречаются и таким образом разрешенные дела в практике народных судов, но коллегия по гражданским делам Верховного Суда ЭССР, как правило, склонна считать такую практику неверной [31].

Представляется, что точка зрения последних авторов о солидарной ответственности теоретически более обоснована и соответствует подлинному смыслу действующего закона. Что касается субсидиарной ответственности родителей за вред, причиненный совместными действиями несовершеннолетних, то это явление действительно находится на иной плоскости и ставить ее в один ряд с ответственностью родителей за вред, причиненный малолетними, никак нельзя.

Вышеизложенное приводит нас к убеждению, что для достижения единообразного разрешения исследуемой категории дел в судебной практике необходимо либо законодательно уточнить порядок возмещения вреда, когда вред причинен малолетними и несовершеннолетними, либо дополнительно разъяснить применение действующего закона Пленумом Верховного Суда СССР, по меньшей мере Пленумом Верховного Суда Эстонской ССР. Разъяснение, данное в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г., как показала долготелая судебная практика, единства в применении закона по затронутым вопросам не обеспечило.

Примечания

1. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, с. 14.

2. См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1977 гг. - М.: Юрид. лит., 1978, ч. I, с. 183.

3. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2/II-373-1975.

4. Исключение от последнего составляют случаи, когда несовершеннолетний причинил вред источником повышенной опасности. Тогда основное обязательство возникает между несовершеннолетним - владельцем источника повышенной опасности - и потерпевшим независимо от вины владельца, а субсидиарное обязательство только при наличии вины родителей между ними и потерпевшим.

5. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/86-1977.

6. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/203-1978; № 2-2/447-1979.

7. По другому делу коллегия также правильно указала, что хотя причинившие вред несовершеннолетние были в состоянии, в котором не могли понимать значения своих действий, но по возрасту являлись таковыми, за которыми родители обязаны были вести надзор (ч. 2 ст. 455 ГК), а поэтому не могут освобождаться от субсидиарной ответственности. - Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/336-1979.

8. Гражданское дело народного суда г. Раквере № 2-64-1979.

9. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/599-1978; № 2-3/14-1978.

10. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/506-1979; № 2-2/625-1983.

11. Косенко А.Е. К вопросу о характере гражданско-правовой ответственности родителей и их детей, причинивших вред в возрасте от 15 до 18 лет. - В кн.: Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982, с. 53.

12. См.: Гильман Ю.М. Спорные вопросы солидарной ответственности. - Правоведение, 1968, № 3, с. 51.

13. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/141-1978; № 2-2/359-1978.

14. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/336-1979.

15. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/178-1983.

16. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/698-1978; № 2-2/477-1979; № 2-2/95-1983.

17. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/695-1977.

18. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/667-1977; № 2-2/778-1977; № 2-2/603-1983.

19. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/141-1978; № 2-2/359-1978.

20. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 704/II-1975; № 2-2/599-1978; № 2-3/14-1978.

21. В судебной практике иногда ссылаются и на ч. I ст. 186 ГК ЭССР, регулиующую возникновение и исполнение долевого обязательства. - Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/778-1977.

22. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-3/9-1982

23. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/447-1979; № 2-2/496-1980; № 2-2/178-1983.

24. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/496-1980.

25. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/505-1979.

26. Но учитывая степень вины каждого родителя при долевой ответственности, суд может взыскать, например, с отца 300 рублей, а с матери - 100 рублей.

27. Действия (бездействия) отца и матери по надзору и воспитанию в отношении их ребенка в соответствии со статьями 66 и 67 КоБС ЭССР предполагаются совершенными всегда совместно (см. с. 78 наст. статьи).

28. Майданик Л.А., Сергеева Н.Д. Материальная ответственность за повреждение здоровья. М., 1968, с. 121.

29. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/918-1978; № 2-2/237-1980.

30. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973, с. 357-358.

31. Гражданское право Верховного Суда ЭССР № 2-2/237-1980.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ АВТОРСКОГО ПРАВА

Х.А. Пизуке

Ст. 47 Конституции СССР гарантирует советским гражданам свободу научного, технического и художественного творчества - "права авторов ... охраняются государством". Отношения по созданию и использованию произведений науки, литературы и искусства регулируются нормами авторского права (разделы IV Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и Гражданского кодекса Эстонской ССР; в дальнейшем соответственно Основы и ГК ЭССР). По действующему советскому законодательству управомоченными субъектами авторских правоотношений (как абсолютных, так и относительных) могут быть советские и иностранные граждане и юридические лица, их правопреемники, а также Советское государство. Им принадлежит на различных основаниях и в различном объеме субъективное авторское право на созданные или приобретенные ими произведения науки, литературы или искусства, т.е. они являются субъектами авторского права [1]. В теории авторского права, а также в практике возникают некоторые вопросы: как (на основании каких критериев) определить понятие "субъект авторского права", что по действующему законодательству включает в себя понятие "автор" и др., рассмотрению которых и посвящена данная статья.

В советской литературе по авторскому праву понятие "субъект авторского права" раскрывается по-разному. В принципе можно выделить два подхода к определению этого понятия. Так, например, Б.С. Антимонов и Е.А. Флейшиц утверждают, что "субъектом авторского права является лицо, своим творческим трудом создавшее произведение науки, литературы или искусства" [2]. По определению М.И. Никитиной, "субъект авторского права - это лицо, которому принадлежит субъективное авторское право в целом, либо в части" [3].

Приведенные определения раскрывают понятие субъекта авторского права с разных сторон, т.е. эти ученые акцентируют основное внимание на разные аспекты вопроса. Б.С. Антимонов и Е.А. Флейшиц выбрали "осью" своего определения аспект творческого создания произведения, т.е. кто создал про-

изведение науки, литературы или искусства, а М.И. Никитина - кому принадлежит субъективное авторское право на это произведение и в каком объеме.

Недостатком определения Б.С. Антимонова и Е.А. Флейшиц является то, что при такой трактовке вне определения останутся правопреемники творцов авторских произведений. Однако в дальнейшем своем исследовании эти ученые признают субъектом авторского права и наследников, и Советское государство, а также других правопреемников [4]. Поэтому более удачными надо признать аналогичные определения, куда сразу включены и правопреемники создателей произведений [5].

Определение М.И. Никитиной представляется односторонним на том основании, что оно не уделяет должного внимания факту творческого создания произведения.

На наш взгляд, можно выделить три аспекта вопроса субъекта авторского права: 1) кто является субъектом творчества, т.е. автором, 2) кому принадлежит авторское право (отдельные авторские правомочия) на данное произведение и на каком основании, 3) в каком объеме данному лицу авторское право (какие авторские правомочия) принадлежит? По нашему мнению, все эти аспекты должны быть включены в определение субъекта авторского права.

Чтобы дать определение понятия субъекта авторского права, в первую очередь надо раскрыть понятие "автор". Не вызывает возражений утверждение, что "... автором является тот, кто в результате своей творческой деятельности создает произведение как совокупность идей, мыслей, образов, получивших свое выражение в доступной для восприятия форме (рукопись, чертеж и т.д.), позволяющей воспроизводить результат деятельности автора" [6]. Однако возникает вопрос: можно ли называть и юридические лица, за которыми закон признает авторское право (ст. 489 и 490 ГК ЭССР) наряду с гражданами авторами произведений. Обычно этому вопросу в нашей литературе внимания не уделяют. Но, по нашему мнению, в теории авторского права надо раскрыть содержание всех используемых понятий и договориться в терминологических вопросах.

Анализ работ советских цивилистов по авторскому праву показывает, что ученые либо прямо считают автором произведения только граждан [7], либо такой вывод вытекает из смысла рассматриваемого ими вопроса субъекта авторского права [8]. Так, В.И. Серебровский пишет: "Субъектом авторского права, по общему правилу, является гражданин, в результате твор-

ческой деятельности которого возникло данное произведение, т.е. его автор (писатель, композитор, художник и т.д.)" [9]. По высказыванию В.А. Попова, субъектами авторского права являются граждане, с уточнением - авторы и их правопреемники, юридические лица и Советское государство [10]. Из этого можно сделать вывод, что авторами он считает только граждан.

Некоторые авторы (Д.Г. Басин, М.И. Никитина, Э. Лаасик) [11] придерживаются другой точки зрения. Так, субъектом авторского права Э. Лаасик называет "... лицо, творческим трудом которого именно за это называет автором". "Автором...", продолжает он, "... как правило, является гражданин, но в предусмотренных законом случаях им может быть и юридическое лицо" [12]. Последняя точка зрения и по нашему мнению оправдана.

Ст. 488 ГК ЭССР гласит: "За юридическими лицами авторское право признается в случаях и пределах, установленных законодательством Союза ССР и настоящим Кодексом". Упомянутые в ст. 488 ГК ЭССР "случаи" зафиксированы в ч. I ст. 489 (авторское право организаций, выпускающих в свет самостоятельно или посредством какого-либо издательства научные сборники, энциклопедические словари, журналы или другие периодические издания) и в ч. I и 4 ст. 490 ГК ЭССР (авторское право кино-, телевизионных и радиоорганизаций соответственно на кино- или телефильмы, телевизионные и радиопередачи), а также в некоторых других нормативных актах (авторское право ТАСС, АПН, ЭТА и соответствующих телеграфных агентств союзных республик на распространяемую ими информацию).

Ни в одной статье ГК ЭССР не конкретизируются "пределы" авторского права указанных юридических лиц; законодатель в ст. 488 и 502 ГК говорит лишь об их "а в т о р с к о м п р а в е". Отсюда, как нам кажется, можно сделать вывод, что законодатель в данном случае имеет в виду весь комплекс авторских правомочий (составляющих в совокупности субъективное авторское право), зафиксированных в ст. 483 ГК ЭССР "Права автора" [13]. По ст. 488 ГК ЭССР юридические лица могут также приобрести "а в т о р с к и е п р а в а" по договору. Говоря об "авторских правах" юридических лиц, законодатель, очевидно, имеет в виду не весь комплекс авторских правомочий (субъективное авторское право), а отдельные правомочия в области использования произведения. Поскольку законодатель признает за указанными в ст. 489 и 490 ГК ЭССР и в ином законодательстве юридическими лицами авторское право,

а авторское право как весь комплекс правомочий по советскому авторскому праву может принадлежать только непосредственному творцу произведения, то думается, что эти юридические лица можно считать авторами произведений.

Из сорока двух статей раздела IV ГК ЭССР "Авторское право" в тридцати одной законодатель использует понятие "автор". Этот раздел содержит и статьи, в которых под этим термином имеются в виду только граждане (ст. 481, ч. 3 ст. 482, ч. I ст. 485, ст. 487, 500 и др.). Некоторые статьи по смыслу можно применять как к гражданам, так и к юридическим лицам (ч. I ст. 483, ст. 484, 492, 493, 503 и др.).

Но, анализируя редакцию ч. 2 ст. 479 ГК ЭССР, по которой "авторское право распространяется на произведения, выпущенные в свет или не выпущенные в свет, но выраженные в какой-либо объективной форме, позволяющей воспроизводить результат творческой деятельности автора ..." (подчеркнуто нами - Х.П.), можно сделать только один вывод: здесь под понятием "автор" имеются в виду как граждане, так и юридические лица.

Думается, что использование понятия "автор" в гражданском законодательстве нуждается в некотором упорядочении. Мы предлагаем включить в ст. 97 Основ и в ст. 481 и 482 ГК СССР слова "юридическое лицо". Например, редакция ч. I ст. 97 Основ и ст. 481 ГК ЭССР могла бы тогда быть следующей: "Авторское право на произведение, впервые выпущенное в свет на территории СССР, либо не выпущенное в свет, но находящееся на территории СССР в какой-либо объективной форме, признается за автором (гражданином, юридическим лицом - ст. 488, 489, 490), а также за правопреемниками автора, в том числе за наследниками автора - гражданина независимо от их гражданства".

В Основах и ГК союзных республик (например, соответственно в статьях 100 и 488) следовало бы раскрыть сущность и дать общие принципы авторского права юридических лиц. На наш взгляд, целесообразно разработать и принять специальный общесоюзный нормативный акт, например, постановление Совета Министров СССР "Об авторском праве юридических лиц", в котором были бы раскрыты важнейшие вопросы, касающиеся авторского права юридических лиц. В этом акте следовало бы дать ответы на такие вопросы, как например, круг субъектов авторского права (только те юридические лица, прямо названные в законодательстве или также другие, деятельность которых направлена на создание продуктов творческой деятельности, объ-

ектов авторского права - проектные организации, фирма "Мелодия" и т.д.), авторские права юридического лица и их содержание и т.д.

В подавляющем большинстве работ советских цивилистов признается деление авторского права на первоначальное и производное [14], либо прямо говорят о субъектах первоначального и производного авторского права [15]. Задача такого деления - показать основание для возникновения у конкретного лица авторских прав (создание произведения, переход отдельных авторских прав). С помощью этого деления может быть определен и объем субъективного авторского права данного лица - у субъекта производного авторского права, как известно, он уже, чем у субъекта первоначального авторского права, а также срок его действия [16]. Так, в понятиях "первоначальное" и "производное" авторское право слиты воедино выделенные нами второй (принадлежность авторских прав определенному лицу на основании создания произведения или правопреемства) и третий (объем авторского права данного лица) аспекты вопроса субъекта авторского права.

Не все ученые признают деление субъективного авторского права на первоначальное и производное (в таком случае теряет смысл и соответствующее деление субъектов), некоторые из них даже предлагают отказаться от этого деления [17]. Так, по мнению В.И. Корецкого, спор о таком делении не является плодотворным, так как уводит в сторону от другого, важного теоретического и практического вопроса "... об объеме авторских правомочий и обязанностей у различных категорий физических и юридических лиц" [18]. А.М. Гарибян пишет: "... отсутствие достаточных оснований для указанной дифференциации объясняется тем, что понятие производности и первоначальности характеризует не самое субъективное авторское право, а способ возникновения этого права" [19].

Правильно то, что деление субъективного авторского права на первоначальное и производное не позволяет прямо указать на объем авторских правомочий конкретного участника авторского правоотношения. Но вряд ли только это может быть основанием для отрицания данного деления вообще, поскольку оно хорошо подходит для обозначения выделенного нами второго аспекта вопроса субъекта авторского права.

Причиной отрицания универсального характера деления авторского права на первоначальное и производное (а следовательно, и соответствующего деления субъектов авторского пра-

ва) являются, главным образом, разные точки зрения по вопросу сущности авторского права юридических лиц. Так, В.А. Кабатов пишет: "правильнее было бы говорить не об авторском праве юридического лица, а об отдельных его правомочиях, в связи с созданием и использованием произведения искусства или литературы" [20]. А.М. Гарибян идет дальше. Он правильно утверждает, что, поскольку авторское право юридических лиц прямо предусмотрено в законе, возможность признания их субъектами авторского права никем под сомнение не ставится [21]. Однако в дальнейшем своем исследовании А.М. Гарибян приходит к выводу, что соответствующие права, принадлежащие юридическим лицам, в принципе отличаются от авторских прав, принадлежащих творцу произведения — гражданину. Он берет под сомнение целесообразность употребления термина "авторское право" применительно к юридическим лицам — "не следует ли в интересах однозначности терминологии закона и науки термин "авторское право" применять только в отношении творцов произведения, а права юридических лиц на духовную продукцию называть как-нибудь иначе?" [22].

По существу такие утверждения являются отрицанием авторского права юридических лиц, их авторско-правовой правосубъектности вообще. Только в такой интерпретации можно понимать высказывание А.М. Гарибяна, по которому право на использование произведения, принадлежащее организации, по отношению авторского права автора-гражданина, создавшего произведение по служебному заданию, является производным, но эта организация по отношению к издательству является субъектом первоначального права [23]. Исходя из таких позиций, А.М. Гарибян вступает в противоречие с действующим законодательством, которое прямо признает за юридическими лицами авторское право (авторские правомочия; ст. 488, 489, 490, 502 ГК ЭССР и соответствующие статьи других союзных республик) и в то же время противоречит самому себе. То, что имеются некоторые различия в содержании авторских прав авторов-граждан и юридических лиц, по нашему мнению, не дает основания для исключения соответствующих прав юридических лиц из сферы авторского права.

Деление авторского права на первоначальное и производное показывает, что первое возникает только у лица, творческим трудом которого создано произведение, то есть именно у автора, именовавшегося в искусствоведческой литературе "субъектом творчества" [24]. Только это лицо выступает как субь-

ект первоначального авторского права. Юридические лица, наследники, Советское государство, не являющиеся авторами данного произведения, но приобретающие некоторые авторские права по договору или закону (ч. 2 ст. 500, ч. 2 ст. 502, ст. 505 и 506 ГК ЭССР), могут быть субъектами только производного авторского права [25]. Таким образом, рассматриваемое деление, обозначая способ возникновения у конкретного лица авторских прав, имеет свою собственную функцию.

Исследование самого субъективного авторского права (объема авторских правомочий) составляет третий аспект подхода к вопросу субъекта авторского права. Прав Н.А. Райгородский, утверждая, что, когда мы говорим об авторском праве юридических лиц (и граждан - добавляем со своей стороны), то это еще не предвещает вопроса об объеме их авторских правомочий [26]. У субъектов первоначального авторского права круг авторских правомочий, составляющих в совокупности их субъективное авторское право (ст. 483 ГК ЭССР), значительно шире, чем у субъектов производного авторского права. Это, на наш взгляд, требует специального обозначения и терминологически мы предлагаем для обозначения рассматриваемого аспекта авторского права (авторских прав) следующую пару терминов - **п о л н ы й** (в полном объеме) и **о г р а н и ч е н н ы й** (в ограниченном объеме). Как правило, автор, субъект первоначального авторского права, имеет все авторские правомочия, зафиксированные в ст. 483 ГК ЭССР, т.е. авторские права в полном объеме (полное авторское право). Субъект производного авторского права имеет, следовательно, ограниченное авторское право (авторские права в ограниченном объеме).

При исследовании вопроса субъекта авторского права надо обратить внимание еще на один момент - срок действия авторского права. Авторское право автора, субъекта первоначального авторского права во времени конкретно не ограничено (вся жизнь гражданина - ч. I ст. 500 ГК ЭССР; у юридических лиц - бессрочно, ч. I ст. 502 ГК ЭССР). Субъектам производного авторского права авторские права могут принадлежать лишь в пределах определенного срока (25 лет у наследников - ч. I ст. 500 ГК ЭССР; во время действия авторского договора у юридических лиц - ст. 513 ГК ЭССР). Исключение составляет Советское государство как субъект производного авторского права, срок авторских правомочий которого законом не ограничен.

Все три аспекта вопроса субъекта авторского права можно графически изобразить в нижеследующей таблице.

Таблица

<u>Субъект авторского права</u> (авторского правоотношения)		
	<u>автор</u>	<u>правопреемник</u> <u>автора</u>
	как субъект творчества (гражданин, юридическое лицо)	<u>Советское государство</u>
Способ возникновения авторского права (авторских правомочий)	<u>первоначальный</u>	<u>производный</u>
Основание возникновения авторского права (авторских правомочий)	<u>творческое создание произведения</u>	<u>закон, договор</u>
Объем авторского права (авторских правомочий) по ст. 483 ГК ЭССР	полный (у юридических лиц, зависящий от их специальной правоспособности)	<u>ограниченный</u>

Исходя из всего вышесказанного, имея в виду все аспекты исследования вопроса субъекта авторского права, мы предлагаем следующее определение: субъект авторского права - это лицо, творческим трудом которого создано произведение науки, литературы или искусства (автор), или его правопреемник, которому принадлежит авторское право либо как весь комплекс авторских правомочий (первоначальное, полное авторское право), либо отдельные авторские правомочия (производное, ограниченное авторское право).

Примечания

I. В нашей юридической литературе, в том числе по авторскому праву, понятия "субъект правоотношения" и "субъект права" обычно рассматриваются как синонимы (см. Алексеев С.С. Общая теория права. - М.: Юрид. лит., 1982, т. II, с. 100, 138-139; Грибанов В.П. Раздел "Авторское право" в учебнике: Советское гражданское право. - М.: Юрид. лит., 1980, т. II, с. 404-405), хотя объемы этих понятий полностью не совпадают

(см. Алексеев С.С. Указ. соч., с. 140; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. - М.: Юрид. лит., 1974, с. 114-116). Автор данной статьи исходит из традиционной концепции и в дальнейшем использует термин "субъект авторского права".

2. Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. М., 1957, с. 65. См. также Гражданское право БССР/Под ред. Чигира В.Ф. - Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1978, т. III, с. 13; Кириллова М.Я. Субъекты авторского права. - В кн.: Проблемы современного авторского права: Межвузовский сборник научных трудов. - Свердловск: УрГУ, 1980, с. 50.

3. Никитина М.И. Авторское право на произведения науки, литературы и искусства. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972, с. 15.

4. См.: Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Указ. соч., с. 78-79; Гражданское право БССР, с. 13-15; Кириллова М.Я. Указ. ст., с. 57-58.

5. См.: Советское гражданское право. - М.: Юрид. лит., 1976, т. 2, с. 424 (автор гл. "Авторское право" Залесский В.В.)

6. Письмо Договорно-правового управления ВААП республиканским и межобластным отделениям ВААП № 2087-6/9 от 4 июля 1980 г., с. 2 - Архив Эстонского республиканского отделения ВААП.

7. См.: Гордон М.В. Советское авторское право. М., 1955, с. 31-32; Серебровский В.И. Вопросы Советского авторского права. - М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 82; Райгородский Н.А. Юридическое лицо как субъект авторского права. - В кн.: Очерки по гражданскому праву. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1957, с. 203, 206; Советское гражданское право. - М.: Юрид. лит., 1980, т. II, с. 405.

8. См.: Корецкий В.И. Авторские правоотношения в СССР. Сталинабад, 1959, с. 241; Гарибян А.М. Авторское право на произведения науки. - Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1975, с. 49-69; Советское гражданское право/Под ред. Маслова В.Ф. и Пушкина А.А. Киев: Вища Школа, 1978, ч. II, с. 407-409.

9. Серебровский В.И. Указ. соч., с. 82.

10. См. раздел "Авторское право" в учебнике Советское гражданское право. Киев, 1978, ч. II, с. 407-409.

11. См.: Басин Ю.Г. Некоторые особенности правоотношений по проектированию. - Изв. высших учебных заведений. Правоведение, 1964, № I, с. 77; Никитина М.И. Указ. соч., с. 20; Ляасик Э. Советское гражданское право: Часть особенная. - Таллин: Валгус, 1980, с. 466.

12. Ляасик Э. Указ. соч., с. 466.

13. Круг правомочий, составляющих в совокупности субъективное авторское право данного юридического лица, зависит, однако, от его специальной правоспособности. В то же время некоторые правомочия (например, за вознаграждение и др.) отличаются от соответствующих правомочий авторов-граждан.

14. См.: Гордон М.В. Указ. соч., с. 33; Серебровский В.И. Указ. соч., с. 88-89; Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Указ. соч., с. 7-77; Чернышева С.А. Правоотношения в сфере художественного творчества. - М.: Наука, 1979, с. 57.

15. См.: Никитина М.И. Указ. соч. с. 19-22; Советское гражданское право. - М.: Юрид. лит., 1976, т. 2, с. 424-428; Лаасик Э. Указ. соч., с. 466.

16. См.: Чернышева С.А. Указ. соч., с. 57.

17. См.: Грингольц И.А. Права автора сценического произведения в СССР. Автореф. дис. канд. М., 1953, с. II; Кабатов В.А. Советское авторское право на произведения изобразительного искусства. Автореф. дис. канд. М., 1954, с. 7.

18. Корецкий В.И. Указ. соч., с. 241.

19. Гарибян А.М. Указ. соч., с. 96.

20. Кабатов В.А. Указ. соч., с. 7.

21. Гарибян А.М. Указ. соч., с. 76.

22. Там же, с. 93. См. также Гарибян А.М. Авторское право на произведения, созданные в порядке выполнения служебного задания, по законодательству европейских социалистических стран. - В кн.: Проблемы Советского авторского права. М., 1979, с. 79.

23. См.: Гарибян А.М. Авторское право на произведения науки, с. 96.

24. См.: Федорова Л.Г. Специфика активности сознания в художественном творчестве. Автореф. дис. канд. Л., 1980, с. 6, 10.

25. Свообразной терминологией пользуется В.А. Тархов, по которому авторское право юридических лиц бывает с а м о с т о я т е л ь н ы м и производным (См. Тархов В.А., Советское гражданское право. Саратов, 1979, ч. 2, с. 193). Используя выражение "самостоятельное авторское право юридического лица", В.А. Тархову удается подчеркнуть обособленность авторского права определенных в законе юридических лиц от авторского права авторов-граждан, но вряд ли оно прибавляет что-нибудь к теории авторского права; скорее всего это приводит к путанице терминов.

26. Райгородский Н.А. Указ. ст., с. 203.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОРЕСУРСОВОГО ПРАВА КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Л.П. Саарнитс

В последние годы наблюдается усиленное развитие социалистических общественных отношений, обусловленное прежде всего тем, что наша страна вступила в стадию интенсивного экономического и социального развития. Это значит, что мы должны начиная с 70-х годов получать прирост производства главным образом не за счет дополнительной рабочей силы и природных ресурсов, а за счет лучшего использования имеющихся людских, природных и иных ресурсов.

Естественно, что интенсивное хозяйствование на основе современных научно-технических мощностей выдвигает и в условиях зрелого социализма ряд актуальных проблем использования и охраны таких природных ресурсов, как 1) земли и почвы; 2) полезных ископаемых и недр земли; 3) лесов и иной дикой растительности; 4) водных объектов; 5) животного мира как на суше, так и в воде; 6) атмосферного воздуха и т.д. Все актуальнее становятся проблемы охраны природы, прежде всего окружающей человека среды и вопросы охраны природного равновесия в разных экосистемах, особенно в системах с участием человека.

Проблемы охраны природы, в том числе окружающей человека среды тесно связаны с охраной основных природных ресурсов. В центре внимания охраны природы и окружающей человека среды находится т.н. ресурсологическая охрана, т.е. охрана природы и окружающей человека среды в процессе хозяйственной деятельности общества, а также охрана природы и человека от вредных последствий хозяйственной деятельности. И здесь все явственнее в качестве объекта охраны выступают разные, нужные для человеческого существования свойства природных систем.

Для решения вызванных объективным развитием общества экономических, в том числе эколого-государственных и эколого-правовых проблем даны директивные указания в материалах XXV и XXVI съездов КПСС и в других директивных и законодательных материалах.

В "Основных направлениях экономического и социального

развития СССР на 1981-1985 годы и на период до 1990 года" проблемам охраны природы посвящается специальная (IX) часть [1., с. 79-80]. Кроме того, ряд конкретных проблем природопользования выдвигается в "Основных направлениях" в связи с рассмотрением вопросов развития отдельных отраслей экономики и социальной жизни (части II-III), а также в связи с вопросами размещения производительных сил и развития отдельных союзных республик часть X "Основных направлений ... [1., с. 14-28; 81-95].

Чтобы подойти ближе к узловым проблемам развития советского природоресурсового права, следует хотя бы бегло проследить за историей развития советского земельного, лесного, горного и водного права.

С принятием декретов "О земле" (1917 г.), "О лесах" 1918 г.), "О недрах земли" (1920 г.) и других принципиально важных правовых актов молодого советского государства было положено начало формированию ряда самостоятельных, но довольно тесно взаимосвязанных отраслей законодательства: земельного, лесного, водного, горного (недрового) и природоохранительного.

По мере развития правового регулирования общественных отношений по использованию и охране земель, недр, лесов, вод, животного мира, атмосферного воздуха и т.д., сформулировались земельное, горное (недровое), лесное и водное права как самостоятельные подотрасли советского права. При этом атмосферно-воздушное законодательство и право как подотрасли природоресурсового законодательства и права находятся в стадии формирования (на основе закона об охране атмосферного воздуха, воздушного кодекса СССР и других, основанных на их подзаконных актах).

Можно сказать, что наши юристы-правоведы справились с вызовом интенсивного социально-экономического развития, вытекающим из научно-технической революции, и успешно решают многие правовые вопросы природоресурсовых и природоохранительных отношений. Об их интенсивной, серьезной и самое важное - результативной работе свидетельствуют хотя бы такие общеизвестные факты, как

- 1) выработка и принятие общесоюзных основ земельного, недрового, лесного и водного законодательства;
- 2) выработка и принятие во всех союзных республиках соответствующих республиканских кодексов;
- 3) интенсивная общесоюзная и республиканская деятель-

ность по выработке подзаконных актов по регулированию природоресурсовых и природоохранных отношений и претворение их положений в жизнь;

4) в 1980-81 гг. были приняты общесоюзные и республиканские законы об использовании и охране животного мира, а также по охране атмосферного воздуха, которые по своему содержанию, значению и проблемам во многом не отстают от традиционных "Основ законодательства Союза ССР и союзных республик" [2-5].

На основе сказанного можно заключить, что скопилось много конкретного законодательного материала по всем названным отраслям законодательства и права. Возникло множество общетеоретических проблем, требующих обобщения, анализа, обсуждения и решения.

Такое положение само по себе естественно. Как правило, при большом скоплении эмпирического материала нужно найти время для общетеоретических рассуждений, чтобы не сбиться с правильного пути и применить современные, комплексно аргументированные, т.е. научные решения выдвинутых объективным развитием социалистического общества проблем. Более того думается, что тем юристам-правоведам, которым приходится повседневно работать со всеми "кодексами природных ресурсов" и сталкиваться со многими проблемами правового регулирования природоресурсовых и природоохранных отношений, крайне необходима какая-то логически обоснованная, пусть даже конвенциональная, но последовательная основа для изложения и систематизации накопившегося материала, причем без лишних повторов и подробностей. Естественно, что подобная система должна основываться на общих научных положениях, на положениях правовой науки, в том числе на современных положениях общей теории права.

Это выдвигает на передний план прежде всего теоретические проблемы предмета и системы природоресурсового и природоохрannого права, а также ряд принципиальных положений развития и управления наукой природоресурсового и природоохрannого права.

Выдвижение именно названных проблем было обусловлено повседневной преподавательской работой по действующей учебной программе основного курса советского земельного права и правовой охраны природы в СССР.

В связи с большой работой по правовому регулированию общественных природоресурсовых и природоохрannых отноше-

ний не только интенсивно развились соответствующие отрасли законодательства и права, но и выдвинулись принципиально новые, повышенные требования и к науке природоресурсового и природоохранительного права. При преподавании названного курса возникает необходимость отказа от ряда традиционных представлений и мысленных схем по т.н. земельному праву и определения ряда принципиально новых понятий. Надо сконструировать новую понятийную систему, способствующую студентам усвоить учебный материал этого основного учебного курса на современном уровне.

Развитие природоресурсового и природоохранительного законодательства соответствующих отраслей права, правовых наук и учебной дисциплины привело к неустойчивости наших традиционных представлений о советской системе права и правовой науки, об их структурных элементах. Последний учебник по земельному праву [6] представляет собой в этом отношении качественный шаг вперед.

Каковы основные объективные и реальные явления, заставляющие нас задуматься над проблемами предмета и системы природоресурсового и природоохранительного права?

Приведем только некоторые обстоятельства. Очевидно, что в процессе правового регулирования земельных, недровых, лесных и водных отношений сложились по существу новые правовые институты природоресурсового права, такие как

- а) институт исключительного права собственности советского государства на основные природные ресурсы;
- б) институт государственного управления государственным фондом природных ресурсов;
- в) институт права природопользования;
- г) институт правовой охраны природных ресурсов и окружающей человека среды;
- д) институт возмещения ущерба и убытков, причиненных государству и природопользователю в связи с нарушением законодательства о природных ресурсах или в связи с изменением или прекращением прав природопользования.

Выдвижение новых общих для правового регулирования всех основных природоресурсовых и природоохранительных общественных отношений институтов является логическим результатом развития правового регулирования названных общественных отношений в период интенсивного развития нашего общества. Такое унифицирование правового регулирования уже само по себе содействует повышению эффективности правового регулирования названных отношений.

Явно, что правовое регулирование природоресурсовых общественных отношений осуществляется и по линии дифференциации правового регулирования.

Дифференциация правового регулирования происходит в основном а) по линии основных фондов природных ресурсов (по земельному, недровому, лесному, охотничьему, водному и т.д. фондам) и б) по основным видам природопользования.

Явно и то, что в условиях научно-технической революции в сферу правового регулирования включаются все новые общественные отношения по природопользованию, которые никак не входят в наше традиционное представление о "Земельном праве" даже в широком смысле. Назовем здесь еще раз законы об охране и использовании животного мира и законы об охране атмосферного воздуха. Эти акты требуют серьезной дополнительной законодательной детализации с целью претворения в жизнь изложенных здесь принципиальных положений. Но это немыслимо без предоставления этим отношениям и проблемам достойного места в системе законодательства и науки.

Рассматриваемые реальные тенденции развития природоресурсовых отношений и их правового регулирования заставляют нас отказаться от традиционного представления о земельном, недровом (не говоря уже о горном), лесном и водном праве и найти новые решения структуры аграрно-правовых отраслей права, а тем самым частично и всей системы советского права.

Разрушение в эпоху научно-технической революции тн. традиционных перегородок в системе человеческого познания, особенно в науке, является совершенно естественным процессом диалектического развития познания и науки. Более того, эти тенденции содействуют ликвидации "правового вакуума" при регулировании определенных общественных отношений социализма и исследованию нынешних "ничейных" социально-экономических и правовых проблем.

Система права — это исторически сложившееся внутреннее единство и подразделение правовых норм на отдельные отрасли, определяемое в конечном счете единством сущности, их многообразием, а также спецификой разных видов отношений, лежащих в их основе. Формирование отраслей права в качестве подсистем (структурных подразделений) единой системы советского социалистического права происходит при наличии: 1) особой группы общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования; 2) специфики метода правового регулирования; 3) специальных источников правовых норм и 4) заинтересован-

ности государства в выделении самостоятельной отрасли права [7, с. 292-293]. Главным условием наличия самостоятельной отрасли права является наличие в системе общественных отношений особой, специфической, относительно самостоятельной целостной группы общественных отношений, требующих самостоятельного относительно специфического правового регулирования.

Следует согласиться с высказанным Г.В. Ивановым, В.В. Петровым и др. мнением, что природо-ресурсовое право возникает как результат дифференциации и интеграции аграрно-правовой системы советского права [8, с. 40-41]. Расширение использования природных ресурсов на основе современной технологии приводит к быстрому развитию недрового, лесного, водного, а также земельного права, что в свою очередь приводит к формированию природоресурсового права. Основу такого развития составляют общие признаки предмета, метода, источников и принципа правового регулирования земельных, недровых (в том числе горных), лесных и водных отношений.

Но это только один аспект проблемы. С другой стороны, довольно хорошо известно, что несмотря на принципиальные преимущества социализма как хозяйственной и социальной системы, экологические проблемы углубляются и у нас. Суть решения данных проблем заключается в разумном и комплексном использовании природных ресурсов (ресурсологическая охрана окружающей среды). Но, кроме того, в обществе существуют чисто природоохранные, экологические отношения, которые являются относительно самостоятельными по сравнению с чисто производственными отношениями.

Изменения в системе законодательства, возникновение новых отраслей права в системе советского права требуют пересмотра как учебного плана в целом, так и системы основного учебного курса "Советское земельное право и правовая охрана природы в СССР." Согласно сказанному в учебные планы вместо названного курса следовало бы ввести "Природоресурсовое и природоохранительное право."

Следует выработать соответствующие программы, последовательно определяющие логическую систему курса в виде общей, особенной и специальной части.

В общую часть следует включить общие принципы, теоретические выводы, т.е. выделить все то общее, что относится ко всем основным подвидам природоресурсовых правоотношений. Сюда следует включить также все особенности общих принципов

по поводу отдельных природных ресурсов, как, например, специфику объекта права государственной собственности отдельных ресурсов. Необходимо указать также органы и функции государственного управления основными природными ресурсами и т.д., чтобы эти вопросы не повторялись в особенной части курса. В общей части следует изложить также общие положения социалистического права пользования природными ресурсами, основываясь на общих принципах права землепользования, на праве пользования недрами, лесами и водами.

В Общую часть входят следующие темы:

1) марксистско-ленинское учение о национализации природных ресурсов как научно-методическая основа советского природоресурсового права, сюда же входят вопросы природоресурсовых правоотношений;

2) предмет и система советского природоресурсового права;

3) источники советского природоресурсового права;

4) право государственной (общенародной) собственности на природные ресурсы в СССР;

5) управление государственным фондом природных ресурсов СССР (в том числе функция ведения государственных кадастров природных ресурсов);

6) право пользования государственным фондом природных ресурсов (общие принципы и иные общие для всех видов права пользования природными ресурсами положения);

7) правовые основы охраны права собственности на природные ресурсы и право природопользования (основы ответственности за нарушение природоресурсового законодательства).

В Особенную часть природоресурсового права следует включить специфические проблемы правового режима лесного, охотничьего и водного фонда в строго логической последовательности по основным структурным элементам земельного, недрового, лесного, охотничьего и водного фонда и по основным видам пользования соответствующим природным ресурсом.

Сложнее обстоит дело с изучением вопросов правовой охраны природы. В центре этих проблем встает вопрос о разграничении природоресурсового права от природоохранительного права.

Предметом природоресурсового права являются природоресурсовые отношения. Регулирование этих отношений ориентировано на обеспечение рационального использования земель, почвы, недр, полезных ископаемых, лесов, животного мира и

вод в процессе хозяйственной деятельности. Природоохранительную функцию выполняют эти нормы постольку, поскольку рациональное использование природных ресурсов является составной частью охраны природы (ресурсологическая охрана природы). Охрана природных ресурсов и природы осуществляется здесь прежде всего через охрану исключительной государственной (общенародной) собственности на землю, недра, леса, животных и воды, а также через охрану права пользования названными ресурсами, в основном в процессе хозяйственно-производственной деятельности.

Предметом природоохранительного права являются отношения в сфере взаимодействия общества и природы (социально-экологические отношения) в целях обеспечения экологически правильного поведения природопользователей в интересах нынешнего и будущих поколений в здоровой и продуктивной природной среде. Материальным объектом этих отношений, как правило, служит весь природный комплекс и отдельные его подсистемы со всеми его интегративными, прежде всего экологическими свойствами. Эти объекты не являются чьей-либо собственностью (например, экологические системы, атмосферный воздух и т.д.) и не относятся к разряду ресурсов природы как источников производства. Объектом охраны здесь выступают природное равновесие, полезные человеку, обществу, всему живому природные свойства и эти качества охраняются от нарушения природного равновесия, от загрязнения, истощения и т.д.

Приводя некоторые более практические выводы из сказанного, можно заключить, что 1) природоохранительное право имеет в принципе такую же структуру системы как природоресурсовое право (общая, особенная и специальная части); 2) в курсе природоохранительного права следует излагать чисто "экологические" (нересурсологические) проблемы правовой охраны природы; 3) из особенной части следует исключить правовую охрану земель, почвы, недр, лесов, вод, животного мира, чтобы избежать ненужного дублирования.

Рассматривая вопрос предмета и системы природоресурсового и природоохранительного права в футурологическом плане. думается, что в недалеком будущем сложится новая единая основная отрасль советского права, которая может называться природоохранительным правом. Названная отрасль права состоит из двух основных частей охраны природы, из отношений, которые регулируются правовыми нормами: 1) ресурсологическая охрана (т.е. в основном теперешнее природоресурсовое право) и

2) нересурсологическая охрана, т.е. охрана природы в т.н. узком смысле, это прежде всего и в основном экологическая охрана, охрана экосистем.

Общая структура данной отрасли права и правовой науки, а также учебной дисциплины в принципе не отличается от выведенной выше системы природоресурсового и природоохранительного права.

Таковы некоторые мысли и соображения по тем многочисленным проблемам, которые стоят перед аграрниками-правоведами. Актуальность подобных проблем возрастает в связи с задачами, вытекающими из правового обеспечения Продовольственной программы СССР.

Литература

1. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981-1985 годы и на период до 1990 года. Утверждены постановлением XXVI съезда КПСС. - Таллин, Ээсти Раамат, 1981.
2. Закон СССР об охране и использовании животного мира. Принят Верховным Советом СССР от 25 июня 1980 г. - ВВС СССР, 1980, № 27, ст. 94.
3. Закон Эстонской ССР об охране и использовании животного мира. Принят Верховным Советом Эстонской ССР 11 июня 1981 г. - ВВС и П ЭССР, 1981, № 21, ст. 292.
4. Закон СССР об охране атмосферного воздуха. Принят Верховным Советом СССР от 25 июня 1980 г. - ВВС СССР, 1980, № 27, ст. 291.
5. Закон Эстонской ССР об охране атмосферного воздуха. Принят Верховным Советом Эстонской ССР от 11 июня 1981 г. - ВВС и П ЭССР, 1981, № 21, ст. 291.
6. Советское земельное право / Под ред. Н.И. Краснова. - М.: Грид. лит., 1981.
7. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. - М.: Грид. лит., 1973.
8. Иванов Г.В., Петров В.В. Становление аграрно-правовых отраслей в системе советского права. - Правоведение, 1976, № 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Х. Сепп. Теоретические проблемы отношений общей собственности и их правового регулирования в развитом социалистическом обществе	3
П. Касък. Понятие и виды правоотношений общей собственности	19
Э. Плоом. Охрана прав граждан в договорных отношениях в развитом социалистическом обществе	30
П. Варул. Правоотношение по гражданско-правовой ответственности	47
Э. Лаасик. Вопросы возмещения вреда, причиненного несовершеннолетними в возрасте до пятнадцати лет..	59
Э. Лаасик. Вопросы возмещения вреда, причиненного несовершеннолетним в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет или несколькими несовершеннолетними совместно	71
Х. Пизуке. К вопросу о субъекте авторского права	85
Л. Саарнитс. Некоторые проблемы природоресурсового права как учебной дисциплины в современных условиях	95